

НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ

Переписка А.Ремизова с С.Ремизовой-Довгелло

Подготовка текста и комментариев

АНТОНЕЛЛЫ Д'АМЕЛИЯ

На вечерней заре. Переписка А.Ремизова с С.Ремизовой-Довгелло печатается по единственному рукописному экземпляру, хранящемуся в парижском архиве Н.В.Резниковой*.

Привычка Ремизова *летописца* уточнять — на последней странице или на обложке рукописи — хронологию своих произведений позволяет с точностью назвать дату создания книги. После смерти жены (13 мая 1943 г.), мучительно переживая утрату, Алексей Михайлович принялся за обработку ее заметок, дневников и литературных записей. Его работа длилась три года — с 1945 по 1948 г. — и составила 14 больших “бухгалтерских” тетрадей: *Книги записей С.П.Ремизовой-Довгелло*. Последние пять из них составляют книгу *На вечерней заре***.

На вечерней заре — своеобразный монтаж писем писателя к жене. Это не подлинная переписка, а *пересказ* писем Ремизова, которые образуют композиционный скелет книги.

В январе-марте 1948 г. Ремизов переписал письма эмигрантского периода (Берлин 1921 - Париж 1939), помещенные в книгах XIII-XIV; а впоследствии в октябре-декабре того же года “проредактировал” 222 письма 1903-1917 гг.; они помещены в книгах X-XI-XII. Затем их оригиналы он аккуратно наклеил на страницы двух черных тетрадей, которые перевязал — по образцу старинных дневников — верёвочными шнурами***.

Коллаж писем, *пересказанных* Ремизовым, становится хроникой семейной жизни писателя и русской культурной среды начала XX века. Расширяя

*Приношу глубокую благодарность Н.В.Резниковой, как и Е.Д.Резникову, за поддержку в ходе моей работы, за разрешение пользоваться архивом Ремизова и издать рукопись *На вечерней заре*.

**В данном номере журнала печатаются первые главы рукописи *На вечерней заре*, а остальные будут изданы в следующих выпусках.

***Оригиналы сем публикуются в прилагаемой к журналу микрофише.

тесные рамки домашней переписки, Ремизов в квадратных скобках раскрывает имена упоминаемых им лиц, сообщает исторические сведения, рассказывает о встречах, о книжных изданиях, о культурном обществе в Вологде, Херсоне и Петербурге. При этом меняется повествовательная интонация текста и создается произведение, структурно аналогичное книгам *Кухка*, *Розановы письма* и *Россия в письменах*. Во второй части книги возникает другой фон: русский Берлин двадцатых годов — географическая столица диалога двух половин русской культуры — и трагический Париж, последняя “бессрочная каторга” писателя-эмигранта.

Каково было намерение Ремизова? Хотел ли он издать этот жизненный *памятник*? Скорее всего, нет. В дневниках и письмах 50-х годов не найти упоминаний этой книги. Однако тщательная работа *переписчика* над “фактографическим” материалом свидетельствует о желании как-то сохранить свидетельство собственной и русской интеллектуальной жизни.

Пояснительные вставки, введенные писателем в монтаж *На вечерней заре* сливаются с основным текстом писем и непосредственно переплетаются с повествованием, приводя большое количество документальных сведений****:

Стрелой пронёсся Б.В.
(25.V.1903)
Город, как видится
(19.VI.1903)
В книжном магазине
(21.VI.1903)
В “Лондонской”,
(25.VI.1903)
А ведь старик-то
(3.VII.1903)
В этом направлении
(6.VII.1903)
Переезжаю на квартиру
(12.VII.1903)

Стрелой пронёсся Савинков
Херсон, как видится
В книжном магазине Шаха
В гостиннице “Лондонской”,
А ведь Дидро
В этом “квартирном”, направлении
Переезжаю к I ескеу.

Перед нами фактический комментарий; писец старается как можно подробнее рассказать о повседневных событиях, о людях, о бытовых деталях.

При этом Ремизов подвергает текст графической и стилистической правке: изменяет знаки препинания и абзацы, устраняет все слова фамильярно-разговорного оттенка (*детька*), междометия (*правду говоря, вообще, кроме этого, между прочим, потом, между тем*) и особенно повторения отдельных слов и целых фраз, характерные для его юношеской прозы:

Это — ночь, последняя ночь в подполье
(29.V.1903)
Если бы тебя окружали лес и поле,
лес и поле!
(31.V.1903)

Это ночь — последняя в “подполье”,
Если бы тебя окружали лес и поля!

****В левом столбце печатается текст писем, в правом — текст рукописи *На вечерней заре*.

Так и лупит, так и лупит безостановочно (18.VI.1903)	Так и лупит безостановочно
Какое дикое, дикое море! (19.VI.1903)	Какое дикое море!
И стало мне вдруг горько, безумно горько (7.VII.1903)	И стало мне вдруг горько.

Исключаются неопределенные местоимения и наречия с частицами *-то* и *-нибудь*, характерные для символистского стиля:

Два каких-то генерала (18.VI.1903)	Два генерала
Лучше где-нибудь, в другом месте (18.VI.1903)	Лучше где в другом месте.

На вечерней заре исподволь отдаляется от оригиналов писем: сведения о прошлом, которые являются составной частью ремизовского *пересказа*, становятся своеобразным элементом текста. Все свободнее летописец вводит в повествование вместе с новыми данными новые стилистические изменения. Прошрое время глагола заменяется настоящим исторического изложения:

А вы добро улыбались (28.V.1903)	А вы добро улыбаетесь
Шла там душная драма (28.V.1903)	Там совершается душная драма
Там было темно и сыро (18.VI.1903)	Там темно и сыро
Получил вчера от Сергея письмо (25.VI.1903)	От Сергея письмо
Взошли В.Г. (26.VI.1903)	Входит Вера
Видел великую субботу (26.VI.1903)	И мне снится Великая Суббота (5-го апреля)
Я показал (15.VII.1903)	Я показываю.

Чтобы придать *рассказу* строй непрерывного повествования автор вычеркивает в тексте и все временные указания:

Приходил сейчас помощник пристава (20.VI.1903)	Приходил помощник пристава
Отыскал вчера библиотеку (21.VI.1903)	Отыскал библиотеку
Писем пока не получал (22.VI.1903)	Писем не получал
Сегодня поймаю комиссионера (23.VI.1903)	Поймаю комиссионера
Вечером с комиссионером пошел осматривать (25.VI.1903)	С. комиссионером пошел осматривать.

Претворяя жизненный документ в литературный текст, Ремизов использует еще один прием — обратный порядок слов, который придает всему произведению иной повествовательный *лад*:

По стонам задавленным я слышал (28.V.1903)	По задавленным стонам я понимаю
Посылаю фотографию, Соломона работа (28.V.1903)	Посылаю фотографию — работа Соломона
Вчерашний день весь занял (4.VII.1903)	Весь вчерашний день занял
И прислуга полагается (6.VII.1903)	Полагается и прислуга
Успенский пост там начинается (10.VII.1903)	Начнется Успенский пост.

Анализ книги *На вечерней заре* показывает, что ремизовская обработка источника является воссозданием оригинала, самостоятельным художественным текстом. Как в *пересказах* старинных повестей, Алексей Михайлович ставит перед собой задачу воссоздания “народного мифа”, так в книге *На вечерней заре* он как бы считает своим долгом сохранить письменную память современной русской духовной жизни. Таким образом переписывая подлинники писем, Ремизов воскрешает некоторые приемы оригинала — точность календарного времени и последовательность дневных событий — но одновременно переосмысливает *документ* прошлого и создает современную *хронику*.

В настоящем издании сохранено фонетическое правописание Ремизова, а исправлены явные опiski. Старая орфография модернизирована; при этом соблюдена особая пунктуация писателя, те знаки препинания, которые передают интонацию и превращают ремизовскую страницу в *партитуру*. Все места, подчеркнутые автором в оригинале, даются курсивом; вводимые редактором даты и сокращения заключены в ломаные скобки.

НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ
Переписка А.Ремизова с С.Ремизовой-Довгелло¹

СЕВЕРНЫЕ АФИНЫ²
(Устьсысольск - Вологда)
I VIII 1900 - 30 V 1903

Даже по этим письмам-заключительным вижу, как плохо мне было в Вологде. Такое чувство: не туда попал³. Очень я не подходил ни к кому, с кем привела судьба жить. Все жили под знаком “революция”, а у меня было еще что-то, что было выше “революции”. У них было “общее”, а я хотел по “своему”.

Начало моей литературы.

А когда попаду в Петербурге в литературный круг буду чувствовать себя не лучше, чем среди ссыльных и опять мое по “своему” будет меня отшибать, да никому это не понравится.

И тоже мое чувство отдельности, когда случайно попаду (1921-1946) в среду эмиграции (Берлин 1921-1923, Париж 1923-).

“Ни-куда” — ни подо что — ни под кого.

Уж одно это замечание все говорит: в Вологде на вокзале провожали меня: один городской, “тот, что лепетал вчера за 35 копеек”⁴.

¹ Серафима Павловна Довгелло (1876-1943), жена А.М. Ремизова. Они встретились впервые в 1902 г. в Усть-Сысольске (*Книга записей С.П. Ремизовой-Довгелло*, III, Парижский архив Н.В. Резниковой, стр. 46), но настоящее знакомство состоялось в Вологде, куда она приехала из Сольвычегодска. Женились они в Херсоне 27.VI.1903 г. и с этого дня разделяли все житейские события до смерти С.П. в Париже 13.V.1943 г. Приключения жизни С.П. вдохновили книги *В поле блаkitном* (Берлин 1922, изд. Огоньки), *Оля* (Париж 1927, изд. Вол) и *В розовом блеске* (Нью-Йорк 1952, изд. имени Чехова). Ей посвящены все книги писателя.

² Этим именем характеризует Ремизов Вологду - край политических ссыльных, где кипела живая интеллектуальная жизнь: «За неповторяемость и единственность красок “времен года,, — какая громчайшая весна и сорокоградусная лютя зимой! — Вологда подлинно Афины — “Северные Афины,,. А в начале этого века (невероятно, ведь там недавно, а так тысяча лет!) таким именем “Афины,, звалась ссыльная Вологда и слава о ней гремела во всех уголках России, где хоть была и самая незаметная революционная организация, а где ее не было!» (*Иверень*. Редакция, послесловие и комментарии О. Раевской-Хьюз. Berkeley 1986, Berkeley Slavic Specialties, стр.242).

³ О чувстве своей “отчужденности,, и “отдельности,, Ремизов часто писал в своих книгах: «И неизменно мое смутное через всю жизнь точит, что я не на своем месте» (*Иверень*, стр.17).

⁴ См. письмо из Вологды 30 мая 1903 ниже.

ССЫЛКА

25 XII 1897 - 31 V 1903

[1897-1900 Пенза; 1900-1903 Устьсысольск - Вологда]

Жизнь в ссылке: Пензенская — “Кочевник” (“Подстриженными глазами” т. II)

Устьсысольская — “В сырых туманах”

Вологодская — “Северные Афины” (“Россия в письменах” т. II)

“Розовые лягушки” (“Подстриженными глазами” т. II) и глава в “Сквозь огонь скорбей”⁵.

Из Пензы я приехал в Устьсысольск под кличкой “декадент”⁶. Отношение ссылных-революционеров добродушно-ироническое, и безнадёжное — “пустое место”, исключение “ненависть”, но единственное, у ссылного Н.П.Булича⁷ [Описан в III ч. “Оли”, под фамилией Оводов], ближайшего и верного, преданнейшего покровителя С.П. Ходил за ней, как “нянька” за любимым дитём. С С.П. только раз разговаривал и раза два за весь год встретил на улице⁸. Ее отношение ко мне, по слухам, было самое отрицательное, ее отпугнуло “декадент”. Я жил в стороне, общался только с высланными рабочими, мой мир — северные кикиморы, лесовые и белоночные.

В Вологде меня приняли и добродушно и приветливо⁹:

⁵ В 50-ые годы главы *Кочевник*, *В сырых туманах*, *Северные Афины* и *Розовые лягушки* вошли в книгу *Иверень*. В те же самые годы Ремизов готовил второй том *России в письменах*, но не принялся за вторую книгу *Подстриженными глазами*.

⁶ «Я еще ничего не печатал, а про меня идет слава: писатель декадент. О декадентах все знали по статье Н.К. Михайловского в “Русском богатстве”... “По Пензенскому делу непартийный с.-д. писатель декадент, что означало “никуда”, - мое написанное проходное свидетельство в Устьсысольск» (*В розовом блеске*, Letchworth, Hertfordshire 1969, стр. 286).

⁷ Николай Павлович Булич упомянут в *Иверне* среди сольвычегодских революционеров (стр.248) и под фамилией Оводов в *В розовом блеске* (стр.288-291). В книгах записей Серафимы Павловны (Кн. I, Парижский архив Н.В. Резниковой, стр.61-62) описана встреча с ним в Петербурге и под записью С.П. краткая заметка Алексея Михайловича: «Более далекого человека я не встречал: его голос и как он говорил — очень мягко, но в основе сухое — все против моего, такое меня отпугивает, и должно быть ход его мыслей и мысли — не мое. Для меня загадка, как он мог полюбить С.П., а он ее любил беззаветно. Я понимаю С.П., как он раздражал ее своей заботой о ней».

⁸ В книге *В розовом блеске*, где она является под именем Оли, Ремизов вспоминает первую встречу с С.П. (стр.286-290).

⁹ Вологодская колония представляла в начале века довольно пеструю картину: социал-демократическая интеллигенция, эсеры-террористы, философы и писатели, ученые историки (см. И.П. Кохно, *Вологодская ссылка Луначарского, Литературное наследство*, т. 82, Москва 1970, стр. 605). На сказочный лад пишет Ремизов в *Иверне*: «Жили-были на Вологде три титана: Бердяев из Киева, Луначарский из Киева и Савинков из Варшавы - Николай Александрович, Анатолий Васильевич и Виктор Борисович» (стр.193).

Н.А.Бердяев¹⁰, А.В.Луначарский¹¹, П.Е.Щеголев¹², Б.В.Савинков¹³. “Декадентом” говорилось, что для революции я не гоюсь, но и вреда от меня никакого.

И вдруг все изменилось — вдруг стал я “пугалой” и не смешной, а опасной.

Еще с Устьысольска пошла обо мне молва: по жандармской линии, как о опасном революционере, почему и произведен был обыск, и потом только плутней [“Розовые лягушки”] прикинувшись сумасшедшим, я удержался в Вологде¹⁴; а в мире ссыльных, как о “декаденте”: я разлагаю и устраиваю всякие посмешища, поощряя всякое распуство. [Потом уж Горький¹⁵ мне много рассказывал легенд, которые доходили до него из того времени 1900-1903 гг.].

Вологодский срыв произошел в ноябре 1902 г. после моего литера-

¹⁰ Николай Александрович Бердяев (1874-1948), философ, критик и публицист, близкий друг Ремизова. Их жизненные и литературные пути перекрещивались и в России и в эмиграции; в воспоминаниях Ремизова часто повторяются положительные отзывы о его “жизнерадостном”, друге и в книге Бердяева *Самопознание. Опыт философской автобиографии* целая глава посвящена вологодскому периоду (Париж 1949, стр. 116-146).

¹¹ Анатолий Васильевич Луначарский (1875-1933), «автор “Брадобрея», нарком по просвещению, а тогда только выступивший в литературе под псевдонимом Анатолий Анютин (*Русская мысль*), женат на сестре А.А. Богданова Анне Александровне. “За обедом между первым и вторым блюдом пишет по акту!», — так говорили про Луначарского за его письменную кипучесть» (*Иверень*, стр. 245).

¹² Павел Елисеевич Щеголев (1877-1931), историк, литературовед и пушкинист. За участие в революционном движении в 1899 г. выслан в Вологодскую губернию, где познакомился с Ремизовым. Их дружба продолжалась и после ссылки; личности друга-“академика», посвятил Ремизов многие страницы воспоминаний в *Взвихренной Руси*, в *Мышкиной дудочке* и особенно в *Иверне*: «Щеголев — автор исследования *Сказание Афродитиана о чуде в Персиде*, редактор *Былого*, основатель Музея революции, писавший тогда театральную хронику в *Театре и Искусстве* под псевдонимом П. Павлов» (стр.245).

¹³ Виктор Борисович Савинков (1879-1925), “роковой революционер», один из руководителей партии эсеров, выслан в Вологду в 1902 г. В то время «он печатал корреспонденции из России в заграничной *Искре* — марксистского толка, и рецензии в *Русском Богатстве*, и готовился бомбами расчищать путь Революции и прокладывать дорогу — он был убежден, что для себя — для Владимира Ильича Ленина» (*Иверень*, стр.199). Целая глава — “Савинков», *Le tueur de lions* — посвящена ему в *Иверне* (стр. 264-272, 379-386); в книгах записей С.П находим своеобразный “романтический», портрет Савинкова (кн. I, Парижский архив Н.В. Резникова, стр. 71-75).

¹⁴ 30.V.1900 г. Ремизов был выслан на три года в Усть-Сысольск (Вологодская губерния). Летом 1901 г., приехав на месяц в Вологду из Устьысольска “по главному делу», Ремизов подружился с местным “Олимпом», и с помощью Щеголева и Савинкова, притворяясь душевнобольным, получил разрешение от губернатора Князева остаться в Вологде (см. главу “Розовые лягушки», *Иверень*, стр.191-218; и С.С. Гречишкин, *Архив А.М. Ремизова*, в кн. *Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год*, Ленинград 1977, стр.22).

¹⁵ Статьи и воспоминания Ремизова о дружеских и литературных отношениях с Горьким изданы в книге *Встречи*, (Париж 1981, изд. Lev, стр.117-134).

турного путешествия в Москву.¹⁶ Из-за С.П. Довгелло. С.П. по своему убеждению отошла от “революционной работы”.¹⁷ А предполагалось, что займет высокое место в партии с.-р., в созданной Савинковым “боевой организации”. На С.П. смотрели, как на Софью Перовскую:¹⁸ она и в-правду, не дрогнула б с бомбой в руке. И вот она объявила, что она прекращает революционную деятельность. И это решение ее приписано было моему разлагающему влиянию. В Вологду приезжала Бабушка¹⁹ [Брешковская] уговаривать, и у меня было с ней свидание и разговор. Бабушка была “конспиративно” наряжена: мужские брюки. Встретила меня сурово, пробовала обличать, но должно быть, заметила, умная, что ни под какие общие мерки я не подхожу и если говорить со мной, то как-то не так — не “по-якутски”. Расстались мы мирно, хотя злой огонек ее бесстрашных глаз и резанул на прощанье мои улыбающиеся ей глаза.

И началось на меня гонение. Коноводом стал Б.В.Савинков. И.П.Каляеву²⁰ просто запрещено было со мной видеться. Я остался кругом один. И только С.П. Оттого и название моей комнаты “ПОД-ПОЛЬЕ”²¹.

¹⁶ В ноябре 1902 г. Ремизов выхлопотал разрешение съездить на две недели в Москву (под предлогом свидания с матерью) и познакомился с “демонами”, литературной Москвой: Л. Андреевым и В. Брюсовым (см. главу *Москва* в книге *Иверень*, стр. 219-236).

¹⁷ Сама Серафима Павловна в дневниках объясняет свое отношение к революционной деятельности: «почему я была революционеркой? Вот потому, что хотела я “мученического венца”,.. Я хотела идти по стопам тех мучеников, которых было много в России, я не хотела “торжества”,.. я хотела “скорби”,.. мне было стыдно, что другие страдают, а я — я *хотела пострадать*» (*Книга записей С.П. Ремизовой-Довгелло*, V, стр. 187).

¹⁸ Софья Львовна Перовская (1853-1881), один из видных деятелей “Народной воли”, активно участвовала в террористической борьбе народолюбцев с царизмом.

¹⁹ Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (1844-1934), “бабушка русской революции”,.. начала революционную деятельность в 70-ые годы во время “хождения в народ”,.. Одна из организаторов партии эсеров; ее влиянию Савинков приписывает свой переход в партию эсеров (см. В.Б. Савинков, *Воспоминания*, “Былое”, 1917, кн. 23, стр.149).

²⁰ Иван Платонович Каляев (1877-1905), активный член Боевой организации партии с.-р. В начале века в Ярославле “служил корректором в *Северном Крае*”, (*Иверень*, стр. 199) и помогал Ремизову издавать его произведения в этой газете. В июле 1904 г. принимал участие в покушении на министра внутренних дел В.К. Плеве; в феврале 1905 г. убил московского генерал-губернатора вел.кн. Сергея Александровича и был казнен в Шлиссельбурге 10 мая того же года.

²¹ Этими словами в *В розовом блеске* Ремизов описывает свою комнату в Вологде: «жил я один в доме — почему-то называлось “семейной квартирой”,.. комната с печкой и кухня заставленная кроватью. В комнате два окна: на улицу и в дерево; и в кухне окно — в сад. Под дождем обнаженные деревья скрипят с натугом, в стекло стучит ветка — длинные усталые пальцы, с улицы швыряет ветром» (стр. 294).

“ПОДПОЛЬЕ”

Вологда 25 V 1903 до 3-х ч.д.

I

Открываю глаза. Пасмурно-беловатый свет. Холодно. Вошла хозяйка:

«Письмов барышне нет. Только что ушли: Ольга [Ольга Гермогеновна Смилович²²], как ее, не знаю, да барышня с задю. “Как, говорит, уехала! Вчера барышню одну встретила, сказала, что поедут нынче. Сбежала!” А вам письмо».

На днях будет у меня “с визитом” зырянский патриот *Налимов*, пишет поэму из жизни древних своих родичей²³. Очень, очень кстати. Жаль, что вы его не увидите.

«От Сегалов²⁴ мальчик пришел, вещь принес!» — опять вбежала ко мне на верх хозяйка.

Брошка ничего. Сегодня отдам отослать вам.

Теперь вы из Ярославля тронулись. Поля и леса мелькают перед глазами. И даль дороги. И замеревшее позади вас.

“Кисловодская опера Форкатти открывает сезон 1 июля”. В первых спектаклях Фигнер²⁵ и Южин²⁶. Шаляпин²⁷, значит, позже; это

²² Ольга Гермогеновна Смилович, сестра видного деятеля коммунистической партии и советского государства П.Г. Смиловича (1874-1935), троюродная сестра писателя В.В. Вересаева, в 1899 г. была арестована вместе с Луначарским.

²³ Зыряне — народ финского или уральского класса туранского семейства, обитающий в восточных частях Вологодской и Архангельской губерний, который составляет вместе с вотяками и пермяками пермскую группу народов. Зыряне и пермяки сами себя называют “коми”. Произведений самобытной народной словесности у Зырян почти нет: их песни — неудопомятые искажения русских песен; сказки и загадки по большей части заимствованы у русских. Суеверия и предрассудки отличаются большей осязательностью и живостью, чем у русских. Они верят в леших, водяных, кикимор, в овинных, в банных, в колдунов, в порчу, в ведьм, и своеобразно объясняют многие явления природы (см. Ф.А. Брокгаус — И.А. Ефрон, *Энциклопедический словарь*, Спб. 1897, т. XII). Такие черты зырянской мифологии очаровали Ремизова и отразились в материалах книги *Чортю лог и Полуночное солнце*, (Спб. 1908, изд. EOS) и в рассказе “Царевна Мымра”.

²⁴ Соломон Леонтьевич Сегаль (его жена Анна Владимировна), хозяин часового магазина в Вологде, “гармонист и неистощимый остро слов”, (*Иверень*, стр. 243).

²⁵ Николай Николаевич Фигнер (1857-1918), знаменитый певец, лирико-драматический тенор. В 1882-1887 гг. выступал в западноевропейских странах и в Америке; в 1887-1907 гг. солист Мариинского театра в Петербурге; однако, не исключено, что в данном случае речь идет о Медее Ивановне Фигнер (1859-1952), солистке Мариинского театра в 1887-1912 гг.

²⁶ Александр Иванович Сумбатов (Южин — псевдоним; 1857-1927), театральный деятель, актер и драматург; с 1882 г. один из выдающихся актеров московского Малого театра.

²⁷ С Ф.И. Шаляпиным (1873-1938) Ремизов познакомился в 1906 г. на литературном вечере: чарам его голоса писатель посвятил две главы в книге *Встречи* (стр. 137-146).

хорошо. [Повторяющийся мотив: такая у меня была жажда музыки. И все, конечно, безнадежно].

Затоплю печку, так холодно.

Костю²⁸ гулять не пустили, сидит в окне, глазеет.

Пораздумался о людях: чего им надо от нас? Ну, Бог с ними!

25 V 1903 3 ч.д.-12 ч.н.

II

Кончил “Отелло”, понабил штук 30 папирос, умылся, и в путь. Недоходя “Якоря”²⁹ повстречалось полчище, предводительствуемое Батакудом [Н.М.Ионов³⁰] с “Олей” [О.Г.Смидович] в хвосте. Молчаливый поклон. Стрелой пронесся Б.В.Савинков.

Звоню. Жду. Звоню-звоню.

“Их никого нету”.

Вот я и опять в “Подполье”. 9 ч.в. Делать ничего не хочется. Сошел вниз. Походил-походил: холодно. Хоть бы ночь скорее — “и день из счета вон”. А вы, поди, из Москвы — та-ра-тата, тара-та-та. “Самовар сейчас пить буду”, разогреюсь, часы побегут. Побежали... Вызвал из преисподней хозяйку, подсчитал долг, расплатился. Будто и уезжаю сегодня.

Одна серебряная ложка оказалась хозяйки, чайная маленькая. Надо обменять. Вашу возьму с собой. Ну, это впереди.

Прочитал акт из “Лиры”. Просмотрел “С.К.” [“Северный Край”³¹]. Не потеряли ли там рукопись? Досадно, если не напечатают, — главное, время уж упущено, нигде не примут.

Истово Вы меня перекрестили раз и другой и третий. Так. Ну, “ба-бай”.

²⁸ Сын Соломона Леонтьевича Сегалю.

²⁹ “Золотой Якорь”, — единственная “первоклассная”, гостиница в Вологде. Там побывал во время ссылки Н.А. Бердяев (см. *Иверень*, стр. 246).

³⁰ Николай Михайлович Ионов, “статистик”, упомянут Ремизовым в *Иверне* среди сольвычегодских ссыльных (стр. 248, 257-258).

³¹ “Северный Край”, — ежедневная политическая и общественно-литературная газета, основанная группой ярославской прогрессивной интеллигенции, которая издавалась с 1898 по 1905 г., когда ее типография была разгромлена черносотенцами. «Редактор Фальк, которому передавала мои рукописи Ариадна Владимировна Тыркова, посылал в типографию “не ради Ремизова, а ради Вас.», А.В. Тыркова уехала из Ярославля и мое участие в *Северном Крае* прекратилось» (*Иверень*, стр. 243). В газете Ремизов опубликовал *Плач девушки перед замужеством*, *Наташе*, *Музыка*, *Влага* и другие произведения (см. Н. Lampl, *Bemerkungen und Ergänzungen zur Bibliographie A.M. Remizovs*, “Wiener Slawistischer Almanach” 1978, Bd. 2, pp. 301-326).

Вологда 1903 26 мая 10 ч.у.- 3 ч.д.

I

Подали ваше письмо из Ярославля. Не тревожьтесь, сталкиваться не буду. Правда, как все сложилось “на поперек”, но ничего не произошло, как писал вчера.

С 1-го июля Тартаков³² в Кисловодске. Непременно поедemте. Разузнайте, если удастся, как жить там.

Получил от “Курьера”³³ извещение, что Леонид Андреев³⁴ живет в Бутове (Моск.Курс.ж.д.). Из магазина Суворина высылают мне “Гриф”³⁵. Видите, как скоро. Вам писем нет.

С утра сидел зырянин, рассказывал мне о легендах. Сейчас 1/2 1-го, он ушел на два часа, потом придет и будет читать свои произведения до петухов. Оставит мне матерьял лирики и рассказов. Дай Бог, чтобы никто больше не приходил.

Забегал Александр Александрович³⁶, оставил “Новый Путь”³⁷.

³² Иоаким Викторович Тартаков (1860-1923), певец (лирико-драматический баритон) и режиссер. В 1894-1923 гг. один из выдающихся артистов петербургского Марининского театра и с 1909 г. главный режиссер того же театра.

³³ “Курьер”, — ежедневная политическая и общественно-литературная газета, выходила в Москве с 1897 по 1904 г. За время своего существования “Курьер”, из либерального издания, каким он представлялся его основателю Я.А. Фейгину, превратился в орган демократической печати. В беллетристическом отделе публиковались произведения Л. Андреева, И. Бунина, М. Горького, В. Вересаева, А. Серафимовича и других писателей-реалистов (см. В.Н. Чуваков, “Курьер”, в кн. *Литературный процесс и русская журналистика конца XIX - начала XX века*, Москва 1981, стр. 353-375). В “Курьере”, 8.IX.1902 г. под псевдонимом Н. Молдаванов состоялось первое выступление Ремизова в печати.

³⁴ Леониду Андрееву (1871-1919), содействующему появлению в “Курьере”, эпиграммы Ремизова *Плач девушки перед замужеством*, посвящена глава *Анафема в Иверне* (стр. 225-231).

³⁵ Альманахи “Гриф”, выходили в Москве в 1903-1904 гг.; редактором был поэт С.А. Соколов и сотрудники — сторонники “нового искусства”. Эстетическое мировоззрение альманахов “Гриф”, не отличалось от позиции “Северных цветов”, (см. О.Д. Голубева, *Из истории издания русских альманахов начала XX века*, “Книга. Исследования и материалы”, Москва 1960, сб. 3, стр. 311). В втором выпуске (февраль 1904) Ремизов поместил три стихотворения в прозе: *Молитва*, *Последний час* и *Иван-Купал*. Соперничество между издателями “Северных цветов”, и “Грифа”, заставило писателя отдалиться от “Грифа”, (см. *Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О. Маделунгу*. Составление, подготовка текста, предисловие и примечания П. Альберга Енсена и П.У. Мёллера. Copenhagen 1976 Rosenkilde and Bagger, стр.19).

³⁶ Вероятно Александр Александрович Богданов (1873-1928), политический деятель; в революции 1905 г. — член ЦК партии большевиков, в 1909 г. вместе с Луначарским и Горьким организатор партийной школы на Капри и в том же году исключен из партии за “богоискательство”. После революции один из теоретиков Пролеткульта. Автор социально-утопических романов *Красная звезда* и *Инженер Мэнни*. «С особенной благодарностью я вспомнил Александра Александровича Малиновского (Богданов — его псевдоним). Курс политической экономии А. Богданова я знаю еще до университета. Высланный в Вологду, он занимал, как доктор, большое место заведующего в Кувшино-

Думаю, напишу Леониду Андрееву письмо, искать его в Бутове неудобно. Затоплю-ка я сейчас печку. С вашего отъезда в “Подполье” зябко.

Еще раз: не тревожьтесь, уж так себя буду вести — комар носу не подточит.

26 V 1903 с 3 ч. д.-1 ч.н.

II

Только что ушел зырянин. Оставил матерьялы зырянских легенд. Как только приеду, примусь за писание небольших “стихотворений в прозе”.

“Как перевелись Памы³⁸ на земле зырянской”. Действие происходит синим вечером на берегу озера Лёля-ды. К холму, с которого провожает солнце старый пам Киль-Дори подходит юноша с голубыми глазами в белой сорочке Оле. Все лицо его изнурено тоской о возлюбленной Оде и горечью жизни: гибель последних Кикимор³⁹ (хохочущих мистификаторов-духов), пропад Бубыля⁴⁰ (без надежды ютящийся в подполье), отчаяние Икеты⁴¹ (странной “красоты”, подкидывающая

ве. В те годы, 1901-1903, он считался “заместителем, Ленина в России. Необыкновенно чистый, весь в своей блестящей черной блузе, и эти чистейшие детские глаза. Я думал, глядя на него, вот — настоящий человек, можно все поверить и все он здраво рассудит» (*Иверень*, стр. 195).

³⁷ “Новый путь”, — ежемесячный литературный и философский журнал, выходивший в Петербурге в 1903-1904 гг. Первоначально редактором и главным вкладчиком журнала был П. Перцов; в редакционной работе участвовали Д. Мережковский и З. Гиппиус; ближайшими сотрудниками были Н. Минский и В. Розанов; в 1904 г. редактором стал Д. Философов и секретарем — Г. Чулков. В литературном отделе печатались В. Брюсов, К. Бальмонт, А. Блок, А. Белый, В. Иванов, Ф. Сологуб и самые известные символисты. Журнал продолжал выходить в 1905 г. под названием “Вопросы жизни”, (см. И.В. Корецкая, “Новый путь”, в кн. *Литературный процесс и русская журналистика конца XIX - начала XX века*, Москва 1982, стр. 179-233). В “Новом пути”, Ремизов издал *На этапе*, *Медведюшка* и другие произведения.

³⁸ Пама — престарелый кудесник и начальник волхвов зырянских, который противился распространению христианства среди зырян св. Стефаном Пермским. (См. Ф.А. Брокгауз - И.А. Ефрон, *Энциклопедический словарь*, Спб. 1897, т. XXII).

³⁹ Кикимора — мифическое существо женского рода в славянской мифологии. Народ представляет себя кикимор в виде безобразных карликов или малюток, у которых голова с наперсток, а туловище — тонкое, как соломинка. По родству с домовыми духами кикиморы за печкой и порой надоедают хозяевам шумом и возней. Они обладают способностью быть невидимыми, быстро бегать и видеть на далекое расстояние (ср. С.В. Максимов, *Нечистая, неведомая и крестная сила*, Спб. 1903, стр. 61-67). Кикимора зырянского фольклора — близка и родна русской кикиморе; она — детище Омеля, нашедшая исход отчаянию в юморе и озорстве (см. А.М. Ремизов, *Чортов лог и Полнощное солнце*, Спб. 1908, стр. 315).

⁴⁰ Бубыля (ниже Быбуля) — домовый, смущающий покой и счастье; олицетворение Омелева отчаяния (см. *Чортов лог и Полнощное солнце*, стр. 315).

⁴¹ Икёта — ребенок-уродец, рожденный от лесной женщины и человека-охотника. Ле-

своих уродцев-детей людям). Старик кличет двух братьев — два божества — творца видимого и невидимого: Омель и Ен⁴², — они и осуждают мир в лице юноши на гибель, лишая его памства.

Записываю мысль, чтобы запомнить.

Последние дни в “Подполье” произвели в моей душе еще одну думу, родственную “поджигателю”. Теперь начинать не хочу; когда приеду к вам, тогда.

Психология “подполья”. Человек видит где-то над собой жизнь, слышит крики и возгласы, но вся эта “живущая” кричащая жизнь кажется ему фальшиво-настроенным инструментом. Как-то выбрался он на свет Божий. Час заката. Он идет среди людей чужих и ненавидящих его. Где-то далеко льется песня — за гамом ее едва доносит, и шмыгающие люди или вовсе не слышат или чуть-чуть. Вдруг странное происходит на его глазах. Солнце, раздувшись огненным шаром, побагровело, потом стало темнеть и сжиматься, пока не обратилось в угольный комок, и упало в реку. Шелестевшие листья свернулись, со стоном замолкли и рассыпались пеплом. Шумы оборвались недосказанным словом и обрубленным воплем. Люди застыли на месте, закорчились, стали уменьшаться и превратились в уродливых карликов. И та песня — те голоса, что звучали далеко, затихли. И все замирало волной, будто издалека шла - надвигалась Гибель. Одинокая песня, с плачем вздохнув, сжалась. Бушевавший ветер шархнул. Дома, как на пожарах обуглились и с грохотом упали на жалких карликов. Осколки и обломки. И вот против моих глаз появилось чудовище: оно напоминало человека, обросшего волосами, руки опущены к земле, спина изогнута, зеленые глаза, убивая и хохоча, глядели. Чудовище глядело на меня. Приближаясь. Вот бросится.

Тут я хочу закончить. Как вам нравится? Наверное, благодаря рассказам из зырянской мифологии такое завоображалось⁴³. Очень

сные женщины, отчаявшись в своем превращении, живут надеждой: соединившись с человеком, родить дитя, которое выведет их из Енова плена; но рождается всегда не человек, а Икёта с вывернутыми пятками (ср. А.М. Ремизов, *Чортон лог и Полуночное солнце*, стр. 314).

⁴² Омель и Ен — два главных и “собеэначальных”, божества, два творца мира зырянской мифологии; зырянскому дуалистическому мифу о мироздании находятся параллели в мифологии многих народностей до распространенного среди славян богомильско-христианского мифа о совокупном творчестве Бога и Дьявола. В зырянском мифе Омель и Ен, “отчаянные мощью”, решают покончить с собой; в своем падении встречаются друг с другом. В миг восторга встречи Ен создает видимый мир, а Омель другой, странный, мир, полный мечты и розочарования. И грусть покрывает счастливую землицу Ена (ср. А.М. Ремизов, *Чортон лог и Полуночное солнце*, стр. 313-314).

⁴³ «Живя в Устьысольске, в этом центре зырянского населения, я глазами пленника смотрел на неведомое мне нерусское царство и слушал рассказы тех простых людей, с которыми коротал долгие зимние дни-полуночи. Книги и рассказы просвещенных зырян: книги К.Ф. Жакова и рассказы В.В. Налимова дали мне ту шапку-невидимку, в которой я

меня порадовало и день прошел мимолетно. Будет чем позаняться.

А теперь, ну, так — а я думал, забудете перекрестить меня на “сон грядущий”.

“Сев<ерного> Кр<ая>” сегодня не было.

Вологда 1903 27 мая от 12 ч.-3 ч.д..

I

Вот как заспался. Вчера долго не мог заснуть. Все думал о “сюжетах” для рассказов. Записывайте свои сны. “Страшного”, страшного побольше. Наша повседневная жизнь с тысячью крохотных жалищих впечатлений затирает главное “жизни”. Нужно высвободиться из-под налетающей пыли житейских впечатлений: и! — такие песни услышим, не “завянут уши”. Тогда и жизнь сама явится в ином виде — другим лицом. Б.м., все остальное ее только узел, которым она же сама завязывает нам глаза и наши руки. Переступим грань и тогда победа. Кажется мне, будет еще много рвов и пропастей и не раз сожмется сердце: на пути дерзания всегда сожаление с голосом: вернуться.

Принесли “Рус<ские> Вед<омости>”⁴⁴ и письмо — не мне — из Германии. Завтра от вас из Москвы и “Гриф”.

«Анна Николаевна [Щепетева⁴⁵] приходила, — зарпортовала хозяйка с какими-то оборонительными жестами, — спрашивает: “где барышня?” Говорю: “Уехали”. — “Как, говорит, уехали и не простились!” А я говорю: “Утром письма были, а вечером телеграммы — собрались и уехали. Спрашивала на счет квартиры...— тут хозяйка сделала такое лицо, будто совершила только что какой-то геройский поступок, — говорю: “Занято”. — “А А.М.?” — “А.М. уедут ли, не знаю, ничего мне не говорят”.

Вот плоды нашего воспитания. Интересно, что она думает обо всем происходящем и происходившем?

Купил корзинку, сейчас буду упаковываться, а потом Налимов [зырянин] придет. Подал ему мысль издать зырянский альманах, куда должны войти “Кутьи-войсы” и другие мои зырянские⁴⁶. Как хорошо,

сам на свой страх пошел по лесам и полям странной зырянской земли», — признает Ремизов в примечаниях книги *Чортов лог и Полуночное солнце* (стр. 313).

⁴⁴ “Русские ведомости», — общественно-политическая газета (орган либеральной буржуазии), выходившая в Москве с 1863 по 1918 г. сначала три раза в неделю, а с 1898 г. ежедневно. В 80-ые годы в ней принимали участие писатели демократического лагеря: М.Е. Салтыков Щедрин, Г.И. Успенский, Н.К. Михайловский.

⁴⁵ Анна Николаевна Щепетева, вологодская ссыльная, жена Маноцкова, сестра Бронвицкой, упомянутая в *Иверне* (стр. 247).

⁴⁶ Кутьи-Войсы — метельные духи, властвующие над землей от Постной кутьи - Рождественского сочельника до Богоявления - двенадцать дней в году. Рассказ “Кутьи-Войсы», (или “Кутья-Войсы,») впервые вышел в “Северном Крае», (14.II.1903), затем с другими

что вчера никто не явился слушать о “воспитании голоса” и “постановке бухгалтерских книг”. Ну, сегодня, пожалуй, придется себя в жертву отдать “торговле и промышленности”⁴⁷. Попрошу отослать вам брошю. Опять потеплело, проснулись комары, как в последние дни с вами в “подполье”.

27 V 1903 3 ч.- 1½ н.

II

После обеда открыл еще новое существо, называется “пöлезница”⁴⁸: живет в цветущей ржи, ее глаза, как васильки, видима с Петрова дня до Ильина, еще более яростна, чем “лесная женщина” (лесавка), та хоть мечтает и ищет взрослых, а эта подкарауливает ребятишек.

Думаю отдельно изобразить:

- 1) “Кутьи-войсы” (с добавлениями к написанному),
- 2) “Быбуля”, 3) “Кикимора”, 4) “Полезница”⁴⁹.

Матерьялы достал от того самого зырянина, про которого писал. Выспрашивал его. Да подошел час: ему в Устьсысольск, а мне в магазин.

Купил штиблеты на п. больше — точно в раю теперь. Познался со “спокойным телом”⁵⁰ в магазине [часовой магазин Сегалья] и к Соломону [Соломон Леонтьевич Сегаль, хозяин магазина]. Сейчас только что вернулся. Вам глубочайший поклон от него, уверяет вас в “безграничной преданности и величайшей любви”: “редкая женщина!”

По обыкновению разговор вертелся около театра. Еще нашел город, где послушаем Шаляпина: Нижний — на ярмарке. Впрочем, там видно будет.

А бухгалтерии мне все же не избежать: в четверг с 2 ч. дня до 4 у Соломона [Я вел у него книги].

зырянскими материалами вошел в книгу *Чортов лог и Полунощное солнце* (см. Н. Lampl, 1978; Alexis Remizov, *Bibliographie*, établie par H. Sinany, Paris 1978 Institut d'études slaves).

⁴⁷ Ремизов занимался бухгалтерией в магазине С.Л. Сегалья.

⁴⁸ Пöлезница - создание Омеля, живет на полях, хоронясь в колосьях. В надежде превратиться в женщину занимается истязанием малолетних.

⁴⁹ “Кутьи-войсы”, “Быбуля”, “Кикимора”, и “Пöлезница”, изданы в книге *Чортов лог и Полунощное солнце*. Свое пристрастие к этим существам Ремизов сам признает в *Иверне*: «я помню выюжные усть-сысольские вечера, в окно мечутся “кутьи-войсы”, — там их белое царство. Я помню синие осенние сумерки и из сумерек оловянные глаза подпольного “быбули”. Я помню красный июльский зной и из колосьев васильки-“пöлезницы”. Я помню весенний прилет птиц и шелк “кикиморы”!» (стр. 257).

⁵⁰ Кличка Желвунцова, владельца сургучного завода, шелковой мишурной и белильной фабрик в Вологде (см. *Иверень*, стр.193-196, 342-343).

В “Сев(ерном) Крае” опять ничего нет — что же это они?
Если найдете удобным, напишите в Уфу: чтобы в случае результата, писали на вас.

Лунная прохладная ночь. Ну, “ба-бай”.

Вологда 28 мая 1903 11 ч.-4 ч.

I

Господи благослови! Проснулся — и три письма с “Грифом”. Ваше от 25 мая. А я так ярко во сне сегодня видел вас: по саду мы ходим около огромного озера. Я, торопясь, помогая себе руками, рассказываю вам разные истории. А вы, сначала печальная, добро улыбаетесь, выставляя клычек. А в старом доме, на другом берегу озера, тихом забитом доме, чуть внятно теплится жизнь: по задавленным стенам я понимаю, там совершается душная “драма”.

Где находится Брянский вокзал, представить себе не могу, а ведь знал, выскочило из головы. Вы сидите теперь в вашей комнате, думу думаете [В Берестовце⁵¹].

Письмо от Павлуши [Щеголева]: поздравляет с “окончанием ненавистного надзора”⁵² — “не завернете ли в Питер?” — “поклон мой С.П.” — “экзамены кончатся 29 мая”. Стало быть, на счет Гиппиус⁵³ — ты прости-прощай. Письмо от Войткевича⁵⁴; адрес его: Ярославль, Войткевичу, до-востребования. Иван Платоныч [Каляев] посажен на месяц, выйдет и пошлет книги вам. Неизвестно, напечатают ли “По весне северной”⁵⁵. Вот как! Надуватели. Почитаю “Гриф”, напишу о нем вам. Скоро придет Аггей⁵⁶ [Маделунг] “Сансару”⁵⁷ поправлять.

⁵¹ Берестовец — усадьба Довгелло на Украине около города Борзна в черниговской губернии.

⁵² Окончание надзора Ремизова — 31 мая 1903 г. Однако в течение пяти лет ему запрещалось проживание в Москве и в Петербурге.

⁵³ Зинаида Николаевна Гиппиус (1869-1945), поэт и близкий друг Ремизовых. С.П. обожала ее, и в дневниках предреволюционных лет часто встречаются выражения привязанности к ней (см. *Книга записей С.П. Ремизовой-Довгелло*, IV, Парижский архив Н.В. Резниковой, стр. 23-24). В эмиграции С.П. разочаровалась и отделилась от Зинаиды Николаевны, не разделяя ее последние полемические выступления. Что означают слова “прости, прощай”, в данном контексте, неясно.

⁵⁴ Войткевич — вологодский ссыльный, упомянутый в *Иверне*.

⁵⁵ “По весне северной. Стихотворения в прозе”, изданы в “Северном Крае”, 17.IX.1903 г.

⁵⁶ Аггей Маделунг (1872-1949), датский писатель, автор *Jagt paa Dug og Mennesker*. В начале века он был скупщиком и экспортером масла в Вологде, где дружил с местной интеллигенцией, в том числе с Ремизовым. Алексей Михайлович очень помогал Маделунгу, который тогда пытался писать по-русски; когда Ремизов покинул Вологду, дружба не прекратилась: их литературные отношения отражаются в переписке 1903-1933 гг. (см. *Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О. Маделунгу*).

⁵⁷ “Сансара”, — произведение Маделунга, переработанное Ремизовым в надежде издания в “Весах”.

28 мая 1903 4 ч.д.-3 ч. ночи

II

Обедал с отчаянием. Здесь все тоже - в самом прямом смысле все тоже. И опять не стал есть. Только молоко, да пирожные. Раньше подавалось 4 штуки; у Мани [хозяйская дочь] зубы заболели, ну, потому и 2.

Прочитал "Гриф". Стихи Бальмонта⁵⁸, как всегда, звучны, стихотворение "Прерывистый шелест" написано моим "стилем". Брюсова⁵⁹ стихи напоминают из "Северных цветов". Отрывки из "3-ей Симфонии" Андрея Белого⁶⁰ оригинальны, если бы только не язык его: опять "безмирный", опять сочетания напряженной выдумки, а не легко возникающих образов. Остальные — Бог с ними; сплошное подражание Бальмонту и Брюсову, даже досадно. Поражает меня бедность языка и бледно, точно — на мгновение, как у охмелевших — вспыхнет словцо и замрет в тягучем храпе и ровной беспросыпности.

Оказывается, в "Гриф" можно посылать рукописи. Надо попытаться счастье.

Сейчас 12 ч.н., ушел Аггей: все время исправляли и переделывали "Сансару". Между прочим, говорит, что "там [у Савинковых] настроение [против меня] улеглось". Много говорил о моей душе "художника" [он выражался "артиста"] и о жизни — "нищего". Сажусь переписывать "Сансару". Купил 1000 штук гильз; а пока набито 250. Вот работа-то впереди: и "Сансара" и гильзы.

Только половину переписал, больше сейчас не могу: 3 ч. утра. Спать!

⁵⁸ Константин Дмитриевич Бальмонт (1867-1942), поэт — символист, часто упоминаемый в снах Ремизова: "наши встречи с Бальмонтом были по сну; он всегда был трезвый, в очках. Единственная сохранившаяся память о Бальмонте *Фейные сказки*, изд. Гриф, М. 1905 с надписью Наташе Ремизовой,, (*Книга записей С.П. Ремизовой-Довгелло*, II, стр. 13).

⁵⁹ Валерий Яковлевич Брюсов (1873-1924), основатель и редактор наиболее авторитетного журнала символистов "Весы,, руководил издательством "Скорпион,, Московским литературно-художественным кружком и позже Обществом свободной эстетики (см. Д.Е. Максимов, *Русские поэты начала века*, Ленинград 1986, стр. 145), "демон,, литературного московского Олимпа, которому Ремизов посвятил главу "Аделаидин цвет,, в *Иверне*: «через Брюсова я попал в *Северные цветы*, где мое напечатали дважды: в третьем сборнике и в ассирийских (ассирийские — название по обложке, разукрашенной клинообразными бородами, — отголосок Емельянова-Коханского). Через Брюсова приняли мое и у Мережковских в "Новом пути,,» (стр. 235).

⁶⁰ Андрей Белый (1880-1934), "старейший кавалер Обезвельволпала,, "гениальный,, "единственный,, поэт, близкий друг Ремизова. Их соединяло отношение к слову, к музыкальной структуре произведения; Ремизов ему посвятил многие страницы воспоминаний в книгах *Кухка. Розановы письма, Вихренная Русь и Встречи*.

Вологда 29 мая 1903 10 ч.- 3 ч.д.

До 2-х переписывал “Сансару”. Слава Богу, насилу-то кончил. Ну, теперь можно смело печатать и с успехом [Сансара А.Маделунга напечатана в “Весах”, 1904⁶¹].

Странный мне сегодня сон снился. Мы куда-то пришли, в какую-то страну “друзей-врагов”, и все хоронимся. Наконец, настала какая-то минута, когда нечего уж хорониться, и вот, когда мы вышли из своей скрыти, помню хорошо, из-под дома, посыпались на нас камни. А кругом хорошо, деревья большие и много солнца.

Писем ни вам, ни мне нет.

Забегала О.П., насилу доторговался с ней: просила 3 рубля, помирились на 1½ р. А не дать не мог. Страшно возбужденная, как хмельная.

Сейчас иду к Соломону, часа два придется бухгалтерию наводить, а потом в магазин, потом к Аггею. Завтра последний день. [Окончится срок ссылки].

Вологда 29 мая 1903 3 ч.-1 ч.н.

II

Едва дошел до Соломона, такая жара. Бухгалтерией позанимался с ¼ часа. Меня снимали с детьми [Катя, Ися, Аркаша⁶²] и одного. Посидел бы еще, но не мог выдержать: точно из под-земли появился Мося [брат Соломона] и пошли бесконечные расспросы с повторением - “куда и когда, где и что, куда и когда”.

Городовой еще не приходил [с вызовом подписать бумагу о окончании надзора].

Начинает сверлить мысль: а ну-как не завтра? Может, число перепутали? Было у вас так или нет? Уже 6 часов! В семь к Аггею.

Полночь. Пришел от Аггея, на столе телеграмма от вас. Сейчас я свободный. А городской-то не приходил.

Пел удачно, душа пела — прощался с “подпольем”. А жутко было бы умирать в любимом “подполье”. Подумаю иногда... помните? Смерть нависала над потолком, она проходила сквозь дерево стен, караулила.

Слушаю голос мой сокровенный и тихий. Что он там распелся так? На железно-дорожном пути свисток свистит. И кто-то беспокойно ворочается. Луна через окно. И ветер. Это ночь — последняя в “подполье”. И вы тут.

⁶¹ “Сансара”, А. Маделунга не была напечатана в “Весах”,; она издана только в 1976 г. как приложение к книге *Письма А.М. Ремизова е В.Я. Брюсова к О. Маделунгу* (стр. 72-78). Из произведений Маделунга в “Северных цветах”, 1905 п. 4 был издан рассказ *Цвет познания*.

⁶² Дети Соломона Леонтьевича Сегалю.

Вологда 1903 30 мая 1/29 у.-4 ч.д.

I

Газеты. И поздравительное письмо от “Мира Искусства” [Д.В.Философов⁶³]. Вышлют на Москву журнал; на счет моего “Демона” [к картине Врубеля⁶⁴] ни слова. А в Полицию не вызывают, значит, какое-нибудь недоразумение, не смешал ли я число? Ведь смешал же Исаака Даниловича [Новик⁶⁵] с Александром Ивановичем? Нет, не перепутал, срок мой кончился. Посылал в Полицию Маню. “Задержка, говорят, вышла, завтра объяснят лично”. Даже тут, на гладком месте горы горой прет.

Гроза находит. Костя [хозяйский сын] по-минутно крестится, выглядывая через дверь. А другие дети поют: “Дождик-дождик, перестань!” Переволновался я, теперь тишина в душе. А вот и дождик.

Пришел городской: завтра мне к 10-и часам. Завтра еду, стало быть! Дал я городскому 35 коп. А он сразу обалдел, и минуты три что-то лепетал.

Уложился, будто сейчас на поезд. Придумал так: выехать завтра утром без 1/411-ь. А то так целый день проболтаюсь. Заходили два Сегалья: Аркаша и Ися: завтра едут с вечерним. Пожалуй, с ними лучше — до самой Москвы. Набил 1000 гильз, куплю еще 250.

Вологда 30 V 1903 с 4-х-1 ч.н.

II

“Заключил” книги. [Бухгалтерские у Сегалья]. Гроза — зеленоватые тучи. Прошел к Анне Яковлевне [Сегаль], поговорить, как и что с отъездом. И решил, с утренним лататы. Посылаю фотографию - работа Соломона. У нас будет и лучшая, он пришлет в Москву. Напомни-

⁶³ Дмитрий Владимирович Философов (1872-1940), критик и публицист, редактор литературного отдела “Мира искусства”, сотрудник “Нового пути”, “Русской мысли”, и “Речи”, двоюродный брат С. Дягилева, единомышленник и близкий друг Мережковских; один из инициаторов Религиозно-философских собраний в Петербурге (см. Н. Лапшина, *Мир искусства*, Москва 1977); в 1919 г. вместе с Мережковскими уехал из России и в Польше стал активным участником Эвакуационного комитета и ближайшим помощником Савинкова, возглавлявшего комитет (см. З. Гиппиус, *Варшавский дневник*, “Возрождение”, 1969, п. 214-215-216). В *России в письменах* т. II Ремизов дает характеристику Д.В., вспоминая первое знакомство (посылка “Мира Искусства”, в Вологду) и встречи в Петербурге: «Философов любит и ценит русское слово, русскую речь и не пропустит ни одного сборника, в понедельничной “Речи”, статью напишет. А за одно за это по душе его будет русский народ память творить» (л. 243).

⁶⁴ Демон (К картине Врубеля) — неопубликованное стихотворение в прозе Ремизова. Рукописный текст сохраняется в архиве П.Е. Щеголева в ИРЛИ.

⁶⁵ Исаак Данилович Новик, критик, с 1898 г. секретарь редакции газеты “Курьер”, в которой выступал по вопросам международной политики.

те рассказать “комедию с переодеваниями” на театре ссыльных-революционеров.

Хотел написать: “последняя ночь” — и остановился, а ну-как задержут! А и натрудили и намучили меня, ниоткуда я не уезжал с таким чувством, как из Вологды. Точно зверь, просидевший долгое время в засаде. И увожу с собой познания о человеке, о которых хочется крикнуть на всю землю. Пусть же хоронятся эти комедианты, настанет и для них час. А человеческая душа? “Коробка кондитера?”⁶⁶ [Сев. Цветы 1903 мое]. Боже мой, да тут горше всякой тюрьмы и издевательства ядовитей. Пусть же будет так, ведь так всегда было, — мы не знали.

Вологда 1903 31 мая 7 ч.у.-10³/₄

Вот как рано разбудили.

Синее солнце и темно-зеленая зелень. Ну, уезжаешь? Почему так горько стало, когда лег вчера. Невидимые руки тянулись ко мне и искали. Научила ты меня, Вологда, и наставила. Благодарил ее вчера. И потом вот эта горечь — слезами безвлажными, сухими, колкими точила сердце.

Анна Як(овлевна) Сегаль стальные часы подарила, хорошие — квадратные⁶⁷. [Потерял в Праге]. А паспорт мой затеряли и выдали свидетельство на 6 месяцев.

ДОРОГА В ХЕРСОН

Москва с первой памятью: тоже ни “подо что” с “подстриженными глазами”. И пензенские хвосты⁶⁸, что привело меня в Вологду для окончательного решения⁶⁹.

Жаль, не сохранились письма из Царицына, по ним можно было бы видеть мой “перелом”. А из хвостов трудно было выбиться.

⁶⁶ Речь идет о рассказе “Коробка с красною печатью”, из цикла “По этапу”, изданном впервые в “Северных цветах”, 1903, п. 3, под заглавием “Епитафия”, а затем под заглавием “Коробка с красною печатью”, в 2-ом томе *Сочинений*, Спб. 1910-1912, изд. Шиповник, стр. 180-181).

⁶⁷ О подарке часов Ремизов вспоминает в книге *По карнизам* (Белград, 1929, изд. Русская библиотека): «Я когда-то служил в часовом магазине, и в последний день моей службы хозяин подарил мне эти часы. Этот день для меня был значительным днем: после многих лет ссылки я в первый раз был свободен: я мог ехать куда угодно» (стр. 137). Тема часов как символа времени — потеря часов значит “безвременье”, — значительна во всех произведениях писателя.

⁶⁸ Речь идет об анонимных письмах, которые Серафима Павловна регулярно получала, как и во время вологодской ссылки (см. ниже письмо из Херсона 10 июля 1903 г.).

⁶⁹ В июне 1904 г. Ремизов нелегально заехал в Москву к братьям (см. *Иверень*, стр. 89-94) и оттуда вернулся на три дня (13-16.VI) в Вологду, где встретился с Маделунгом и со старыми друзьями (см. *Книга записей С.П. Ремизовой-Довгелло*, кн. X, стр. 57-106).

В ПУТЬ - ДОРОГУ

Ярославль 1903 31 мая 10³/₄-7 ч.в.

Заласкали меня поля лиловых цветов, воздуха зеленого леса.

Сейчас на Москву, 7 ч. в., ждать 1¹/₂.

А вспоминалось дорогой мне наше “подполье”: поднялось перед глазами, заплакало. А провожали меня один городой, тот, что вчера лепетал за 35 коп. Ну, я далеко теперь от них — так далеко. Ехал я не один. Дорогой разговорился с комиссионером, земляком вашим, по ювелирной части.

Вот — с одной стороны так, а с другой — едва место занял: деликатничал. Не умею я жить, ветром сдует.

Телеграммы не дал, явлюсь внезапно.

Москва Курск(ий) вокз(ал) 1 июня 1903

Ждать 1¹/₂ ч. до Кускова.

Пью кофе и пытаюсь писать, карандаш чуть держится. Ночь напролет простоял у окна. Провожали меня и навстречу мне поля и леса — все поля и леса. Даже жутко стало: зачем это люди такие? Жутко стало: вспомнилось наше “подполье”. Если бы тебя окружали лес и поля!

К столику садятся.

У меня будут хорошие фотографии для вас, пересылать боюсь, помнётся.

Москва-Царицыно 5 июня 1903 1 ч.н.

[нет 1, 2, 3, 4 VI.]

Пишу на обрывышках: у Сергея⁷⁰ в бумажном скудно. Начало дня прошло бестолочно. Перепутал часы поезда и торчал на станции 2 часа. И опять неудача: Николай⁷¹ (Ремизов) не приехал [в Москву] и я вернулся обратно. Слушал пение Сергея; писал ответное письмо Соломону

⁷⁰ Сергей Михайлович, любимый брат Ремизова, “поэтическая натура”; окончив медицинский факультет и филармонию по классу пения, он бросил все и после многих неудач сделался биржевым маклером и в конце жизни служащим на товарной станции Курской железной дороги (см. Н. Кодрянская, *Алексей Ремизов*, Париж 1959, стр.75). Умер в 1920 г. от тифа; о последней встрече с ним Ремизов рассказывает в *Взвихренной Руси* (стр. 171-173).

⁷¹ Николай Михайлович, старший брат Ремизова, адвокат. Окончил филологический и юридический факультеты Московского университета; специалист по вексельному праву; присяжный стряпчий Коммерческого суда; был старостой Большого Успенского Собора. В мае 1918 г. был арестован в числе других церковных деятелей в Москве, освободило его заступничество старого большевика, знавшего имя Алексея Михайловича как писателя (см. Н. Кодрянская, *Алексей Ремизов*, стр.73-74).

[Сегалю]. Стало и горько и грустно. С ночью пришла одинокость. Ждал ваших рук — только вы знаете, как утешить ее.

Предельное пребывание здесь: следующая суббота: 14-го. Поеду на Киев с самым лучшим поездом. За это время послушаю, хотя раз, Тартакова. 1 июля назначаю днем, если устроится, конечно. Зову Сергея к нам. А как бывает холодно тут, так холодно — ночь.

Москва-Царицыно 1903 8 июня
[6 и 7 июня нет]

Приготовил для “Грифа” стихотворение “в прозе”⁷², завтра отсылаю. Думаю, на той неделе — в середине — пройти по редакциям. В субботу в путь. Вы что же не пишете? Где вы, где? Я затревожился.

Напишу подробно: во сколько часов буду в Киеве. В конце июня приедет Сергей [а куда?], он все устроит. При чужих и своих огорчениях вспоминаю ярко вас. После расскажу о этой “психологии”. Не перекрещенный ложусь.

Одесса 1903 18 июня
Гостинница “Россия” 10 ч. 20'

Поезд катил, дух захватывало. Так и лупит безостановочно. Против меня священник, забрался раньше меня, бороду поглаживает. Да, случайно попал было в I класс, носильщик перепутал, изгоняли! Два генерала и жандарм от души веселились: не понравилось, значит, им мое соседство, лицо “не подходяще”.

Во сне видел много. Видел и Н.А. и А.Д., а в заключении мы с вами куда-то провалились. Там темно и сыро и кто-то стучал над головой и тот же стук повторялся под нами.

Вскочил, как очумелый: 4 ч.у. Рассвело. Тучи — кругом тучи. По пути “неоглядная” степь, маки, кукуруза.

В 9^{1/2} ч.у. приехал в Одессу. Нанял извозчика на пристань — 75 к. Думал, сложу вещи и походить по городу. Оказывается, вещей сдать нельзя до 8 ч.в. Пришлось в “Россию”, об-бок с пристанью: 1^{1/2} р. в сутки.

Заказал порцию чаю - 30 к. Вот и сижу. Целый день впереди. Накуплю газет — и уйдут часы.

Паспорт спросили. “Россия” — это преужасная, остановитесь лучше где в другом месте, в “Пассаже” или еще где.

⁷² Речь идет о стихотворениях в прозе *Молитва*, *Последний час*, *Иван-Купал*, вышедших в альманахе “Гриф”, в 1904 г. (см. *Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О. Миделунгу*, стр. 19).

Одесса 1903 18 июня 2 ч.20' д.
(по Моск<овскому> врем<ени>)

Еще 6 часов ожидания. Прошел по бульвару. Опустил письмо. И с “Одес<ским> Лист<ом>”, “Одес<скими> Новос<тями>⁷³” и “Южным Обозрением” вернулся в свой номер ждать.

Если поедете скорым, остановитесь в “Пассаже”, об этой гостинице объявляет поезд. Если же пассажирским, приходит в 3 ч.дня, или переждать на вокзале до 8 ч.в. или опять-таки в “Пассаж”. Подчеркиваю. Эту рекомендовую гостиницу из боязни, что попадете в какую-нибудь “Россию”. Ну, а что это за “Россия”, расскажу, писать неудобно.

Обедать или нет? А сяду-ка за писание.

Случайная тема из слишком уж существующих. Попробую, не выйдет — пойду опущу письмо.

Пообедал за 45 к. Выпил чаю - 30 к. порция. Переписал “Тоску”⁷⁴. Думаю, и еще раз. Тогда будет ровно 8 ч.

ХЕРСОН

Херсонское терпение. И начало новой жизни.

Как я попал в рабство к комиссионеру и чуть было не нанял квартиру у “немцев” и с кухаркой, хорошо еще, что денег не было.

Отделявал “Пруд”⁷⁵, назывался по-другому: “Огорелышевское отродье”.

Херсон 1903 19 июня
Гостинница “Лондонская” п.17

В 8 ч. у. пришел пароход “Суворов”. Дорогой никаких происшествий. Случайность: вхожу в каюту, а уж священник сидит, как и в Киевском поезде. А пришел я на пристань за 2 часа.

Небо хмурилось. Вышли — и! какое дикое море!

⁷³ “Одесские новости,, - ежедневная газета либерального направления, выходившая в Одессе в 1884-1917 гг.

⁷⁴ “Тоска,, (Tęsknota) С. Пишибышевского была переведена Ремизовым и Каляевым в Вологде (перевод издан в книге *Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О. Маделунгу*, Приложение 2, стр. 79-80). В те годы вместе с С.П. Ремизов переводил и “Снег,, (Śnieg) Пишибышевского, который в переводе Ремизовых был поставлен В. Мейерхольдом в Херсоне, Тифлисе и в Театре-студии в Москве в 1903-1905 гг. (см. В.Э.Мейерхольд, *Статьи, письма, речи, беседы*, т. 2, Москва 1968, стр. 595). Успеха у публики спектакль не имел, отчасти из-за перевода Ремизова.

⁷⁵ Ремизов долго мучился над разными редакциями *Пруда*; история печатания романа и его четырех редакций рассказана писателем в “Воле России,, 1926, п. 8/9, (стр. 230-232) и в неизданной книге *Мерлог* (стр. 56): «*Пруд* — мое первое произведение. Написан в Во-

Советую вещи сдать в багаж, не берите в каюту: одна переплата и носильщику и лакеям.

Приезжаю в “Лондонскую”, спрашиваю, где Мейерхольд⁷⁶? Оказывается, в Москву поехал. [В Херсоне театр Мейерхольда “Товарищество Новой Драмы”, я и выбрал Херсон поступить в театр⁷⁷]. Почту нашел. Херсон, как видится, не больше Вологды, а в воздухе провинциальная тишь, в которой плодятся и, как везде, сплетни. [Пензенская память]. Умылся, переоделся, вещи расставил, 12 ч.д.

Давайте, никуда не поедem. Наймем квартиру и будем жить, благо, ни души, знакомых некому “надзирать”. Наверное, можно здесь где-нибудь купаться. Приезжайте, как устроитесь.

Херсон 1903 20 июня

Только вчера вечером явственно глянул на меня город. Жизнь вечером — жизнь на улице. Что-то заграничное, не наше. Не прячутся, а вылезают.

Приходил помощник пристава, “собирал” с меня сведения. Мне напомнило и Пензу и Вологду. Никаких дальнейших “ограничений” [кроме пяти лет столицы] еще не получено.

Вчера отыскал *самостоятельно* редакцию “Юга”⁷⁸, книжный ма-

логде (1901-1902), но в него вошло - “запевы,, (лирические вступления) — из раннее написанного еще в Устьсысольске (1900-1901)». В первой редакции без окончания *Пруд* напечатан в “Вопросах жизни,, 1905 п. 4-11, а затем благодаря посредничеству С.К. Маковского в издательстве “Сириус,, в 1908 г.

⁷⁶ Всеволод Эмильевич Мейерхольд (1874-1940), “страда театральная,, старый друг Ремизова уже со времен Пензы. В те годы имя Ремизова (“Кротика,, его называл Мейерхольд) часто упоминается в письмах Мейерхольда жене (см. Н.Д. Волков, *Мейерхольд*, Москва-Ленинград 1929, т. 1). В 1901 г. Мейерхольд встретился с Ремизовым в Вологде в связи с подготовкой издания журнала “Маяк,, в который он старался привлечь участие Ремизова, Щеголева и Бердяева. После окончания ссылки Ремизов — в качестве “заведующего репертуаром,, — поступил в Херсоне в Товарищество новой драмы, руководимое Мейерхольдом (см. статью Ремизова в “Весах,, 1904 п. 4). Сотрудничество Ремизова с Мейерхольдом продолжалось и после херсонского сезона, в 1907-1908 гг. в театре В.Ф. Коммиссаржевской (см. *Пляшущий демон*, Париж 1949, изд. Дом книги, стр.37-41). Высоко ценил Мейерхольд драматическую деятельность друга, зачинателя “современной мистерии по образцу мистерии раннего средневековья,, (*Статьи, письма, речи, беседы*, т. I, стр. 188).

⁷⁷ «Театр мне вскружил голову. Я вдруг вспомнил все свое театральное, наши домашние спектакли, мои выступления — я играл добродушных пьянчужек, но особенно отличался в женских ролях, мой голос чаровал, и не верилось, что это только представление» (*Иверень*, стр. 100-101). Такие признания в любви к театру многочисленны в книгах Ремизова, который в Херсоне имел возможность “поступить в театр,,. В послереволюционные годы писатель принял активное участие в литературной жизни Петрограда и снова сблизился с театром, поступив в 1918 г. в ТЕО (О.Д. Каменева) и в ПТО (М.Ф. Андреева). Статьи Ремизова о театре собраны в книге *Крашенные рыла* (Берлин, 1922, изд. Грани).

⁷⁸ В херсонской газете “Юг,, Ремизов издал стихотворения в прозе “Чайка,, и “Лепесток,, (см. Н. Lampl, 1978, стр.311).

газин Шаха, а библиотеку сегодня буду рыскать. На Днепре можно купаться, исследую после обеда. Хожу среди неизвестных неизвестным. Непохож я на них: один нос мой диковина здесь.

Читаю “Мир Искусства”, сегодня кончу. Ничего не писал.

Херсон 1903 21 июня

Отыскал библиотеку: раз десять проходил мимо, а “опознать” не мог. А все оттого, что представляю себе библиотеку какую-нибудь сараюшку и не мог допустить “надлежащего” здания. Записался. Взял *Вопросы Философии* п. 1. Газет много и журналы все получают. В книжном магазине Шаха спрашивал о изданиях “Скорпиона”. Говорят, стихи не любят здесь, покупают Апухтина и Надсона, и только.

Вечер провел под гнетом — и откуда такое приходит? — казалось мне, кто-то, где-то молит судьбу о моей смерти или гибели, все равно. Метался, и темные подымались образы, но писать все еще не могу.

Поскорее бы устроиться на квартире. В “Юге” объявляется о продаже мебели “за выездом”. Подожду вас, у меня “глаза” нет. Ни разу еще не показывалось солнце, все пасмурно.

Херсон 1903 22 июня

Вчера сумел овладеть собой: написал “Полезницу”. Нашел купальни. Через комиссионера подыскиваю квартиру, но до вашего взгляда не решусь остановиться. Прочитываю “Юг”, хочу понять здешние “вкусы”. Кажется мне, что такие, как “Мое слово”⁷⁹, могут быть приняты. В художественном крайняя бедность. Вот бы оживить! Народ тут юркий, а значит, не может быть косным. Сужу по библиотеке: какие малыши за книжкой сидят там! Как будете проезжать через Киев, загляните в магазин: словарь, и малорусские книжки переберите, что, конечно, взглянется. Уж размечтался.

Как-то у вас там дела? Писем не получал.

Вчера за целый день не произнес ни одного слова. Занятно будет: жить и никого не знать.

Херсон 1903 23 июня

Поймаю комиссионера и погляжу предлагаемую им квартиру: со столом три комнаты. Мебель он берется достать. Так захотелось переехать из гостиницы, устроиться в новом “Подполье”.

Написал: “Омель и Ен”, “Бубыля”. Все это под общим

⁷⁹ “Мое слово,” — произведение знаменитого украинского писателя Василя Семеновича Стефаника (1871-1936), близкого к группе “Молодая Польша,” (Пишбышевский, Каспрович), к которой тяготел Ремизов. Об издании перевода Ремизова ничего не известно.

“Зырянский мир”⁸⁰. Если все будет по-хорошему, напишу “Кикимора” и “Икёта”. Думаю послать З.Н.Гиппиус. [Напечатано в Сев(ерных) цвет(ах) ассирийских п. 4]. Сегодня первый безоблачно-синий день.

Как-то вы там? Представляю себе каждое ваше мгновенье.

Херсон 1903 24 июня (Иван Купало⁸¹)

Повидал и послушал вчера южную грозу. Небо трещало, словно кто ножи точил. Боящемся тут в такую пору жутко.

Справился о квартире с мебелью и со столом. Ничего решить не могу. Берут за 3 комнаты с обедом для двух — 60 руб. Вырезаю объявления о квартирах и о продаже мебели; вырезки складываю в кучку.

Сиднем сижу в п. 17. Днем жара, а вечером — “заплутаюсь”. Горькие мысли о моей “нежизненности”: не хожу, а тычусь, как потерянный. В библиотеку заглядываю, но газеты достаются мне не интересные: не умею во-время схватить, как делают это “люди”. Придетесь выписывать. Никаких вестей ни откуда.

Закончил “зырянский мир”. Получилась раскладная картина:

1) Омель и Ен, 2) Пöлезница, 3) Быбуля, 4) Икёта, 5) Кикимора, 6) Кутьи-войсы (исправлено), 7) Заклинание ветра⁸², 8) Ошька-моска⁸³ (исправлено). [Совсем не помню].

Пожалуй, лучше послать Брюсову. Приедете, увидите, скажете.

Как у вас там? Не произошло ли чего-нибудь “выдающегося”? Ночи у меня в страшно ярких снах, иногда с “ужасом”.

[Мне исполнилось 25 лет — 1877-1903]

⁸⁰ “Омель и Ен,, “Пöлезница,, “Кутья-Войсы,, “Икёта,, “Плач девушки перед замужеством,, и “Кикимора,, были изданы в “Северных цветах,, 1905 п. 4.

⁸¹ Народный праздник древнего языческого происхождения, который относится к ночи на 24 июня — день рождения Ремизова, чему он всегда придавал особое значение, видя в чарах купальской ночи корни своей тяги к волшебному и таинственному: «Оттого, должно быть, что родился я в Купальскую ночь (Johannisnacht), когда в полночь цветет папоротник и вся нечисть лесная, водяная и воздушная собирается в купальский хоровод скакать и кружиться, и бывает особенно буйна и громка, я почувствовал в себе глаз на этих лесных, водяных и воздушных духов...» (см. А.М. Ремизов, *Приложение* в кн. Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз, *Русский Берлин*, Париж 1983 Ymca-Press, стр. 175).

⁸² По зырянскому поверию Ветер прежде всего глуп и когда он дует, его легко успокоить, сказав, что жива его Бабушка. Рассказ “Заклинание ветра,, вошел в книгу *Чортов лог и Полунощное солнце*.

⁸³ “Ошька-Моска,, — одно из стихотворений в прозе, изданное под заглавием “По весне северной,, в “Северном Крае,, 1903 г.(см. Н. Lampl, 1978, стр. 315), затем издано в “Новой жизни,, 1906 п. 2 под заглавием “Радуга,, и под тем же заглавием в книге *Чортов лог и Полунощное солнце*.

Херсон 1903 25 июня

От Сергея письмо. Мейерхольд был в Москве, когда я округивался по окрестностям [в Москве после Вологды я не имел права жить]. Приедет в Херсон в августе.

Целый день переписывал “Зырянский мир”, ждет вас, чтобы поехать к Брюсову. С комиссионером пошел осматривать комнаты с мебелью. Предлагают 2 за 30 р. (I - 20; II - 10). Обед по 12-14 р. У “немцев”.

Мне понравилось, только больно дорого. Забираться на верх (город на горе) в Северный фортштат не советуют: жилья много. Вникаю в газетные сообщения “Юга”, хочу постичь город.

Вчера произошло со мной “недоразумение”⁸⁴. [Оно сопутствует мне]. После переговоров с хозяйкой вышел я опустить письмо. Сразу как-то потемнело, хотя лунная ночь. Вот я и пошел. Ходил-ходил и туда и сюда, а ни ящика, ни гостиницы. Как заколдованные, пропали. Целый час плутал. Вернулся мокрый весь. Никогда вечером на волю не выйду.

Хороша была ночь, первая такая. *Луна нежная*. А все же “сезон” только и можно прожить тут [театральный], разоришься: очень все дорого. Седьмой день моей жизни в “Лондонской”, истратил 14 р.40 к.

Херсон 1903 26 июня

Взялся за “Иуду”⁸⁵ [напечатан в сборн(ике) *Воздетые руки*, Москва 1907]. Вчитываюсь в евангелие, чтобы изобразить “рамку”. Все житейские дела отложил до вас. А мой 17-ый п. начинает надоедать. Ложась, задумал, когда вы приедете?

И мне снится Великая Суббота (5-го апреля). Зачем-то я пришел к Савинковым. П.Е.Щеголев и Б.В.Савинков в белых пиджаках. Я смутился, но они вышли. Подозвал Наталью [прислуга], дал ей 1 р., спрашиваю: “А сколько горничной?” — “55 к., говорит Наталья, больше не надо, а няньке совсем ничего”. И только что Наталья отошла в сторону, нянька и вылезает “часы посмотреть”, взапрела, лицо точно *отсано*. Входит Вера Глебовна⁸⁶ [Савинкова], очень похорошевшая, во-

⁸⁴ Недоразумение сопутствовало Ремизова всю жизнь («Я и на свет появился - хочется сказать по недоразумению» пишет в *Иверне*), и в зрелые годы писатель создал себе маску ненужного, “непризнанного, отталкиваемого и гонимого жизнью и людьми», человека (см. Н. Резникова, *Огненная память*, Berkeley, 1980, стр. 133).

⁸⁵ “Иуда”, был издан в сборнике “Воздетые руки. Книга поэзии и философии”, (Москва, 1908, изд. Орифламма), затем вошел в книгу *Чортов лог и Полуночное солнце* и в 8-ой том *Сочинений*, под заглавием “Иуда - предатель”, О поэме “Иуда”, писал В. Иванов В. Брюсову в 1904 г.: «Отчего ты не упомянул в объявлении о “Северных цветах”, поэмы Ремизова “Иуда”,? Он мне читал ее; вещь это мне показалась замечательной» (см. *Переписка с В. Ивановым*, в книге *Литературное Наследство*, т. 86, стр. 466).

⁸⁶ Вера Глебовна Савинкова, дочь Г.И. Успенского и жена Б.В. Савинкова

лосы черней, глаза глубше, вся в черном. С ужимками, приседая, подает мне перчатки. “А где ж барыня ваша?” спрашивает Наталья. “Уехала”, говорю. И вышел.

Иду по Старой Басманной от Алекс(андровского) Ком(мерческо-го) Училища⁸⁷ [Бабушкин переулок] и раздеваюсь, а одежду раскладываю на тумбы. “Передохну, думаю, и заберу”. И только на перекрестке я спохватился: “Я совсем голый!” И действительно, ничего на мне и только черные сандалии на ногах. Кто-то говорит: “А где твоя одежда?” — Я очень заволновался: не могу припомнить. И вижу, как реклама: 1 - 5 - 5.

Напишите.

Херсон 1903 28 июня

Раздумался и решил послать вам телеграмму. Вчера ничего не писал. Напала на меня тревога. Начал уж переписывать “некролог”⁸⁸, П.Е.Щеголеву [мои шуточные “некрологи” в Вологде отъезжающим], чтобы только чем-нибудь заняться. Прочитал два п. “Научного Слова”. За все хватаюсь: новая тема “В секретной”⁸⁹ [Не помню, в чем дело], а надо по-настоящему заняться “Отродьем”. [Так первоначально назывался “Пруд” — “Огорельшевское отродье”]. А вообще так разбрёлся, что ровно ничего не написал.

Получил открытку от Мейерхольда: обещает написать подробно. Мне в голову пришло: мое предполагавшееся “заведывание репертуаром” не мимолетная ли это вспышка доброго желания? Пожалуй, так оно и будет.

Мне телеграмма пишется так: “Херсон, Лондонская, Ремизову”.

Херсон 1903 29 июня

Какая досада: хотел переводить Rimbaud, открыл словарь, а словарь-то немецкий. И как это я забыл об этом! Весь вечер писал “В секретной” [Не помню]. Хочется ответить на философские вопросы, осветить все те сложности, которые в “системах” укорачиваются, обрезаются и втискиваются в конце концов в ясную, но до пошлости прямолинейную формулу.

⁸⁷ В Александровском Коммерческом Училище, открытом в 1885 г. при финансовой поддержке Московского биржевого общества (основатель и попечитель Училища был дядя писателя Н.А. Найденов) учились братья Ремизовы, Виктор и Алексей.

⁸⁸ Некрологи шуточно Ремизов писал в Вологде отъезжающим: «всякий отбывший срок ссылки, в канун отъезда устраивал прощальный вечер, я заготовлял это “подорожие,, по старому сказать подорожие, напутствие, некролог, а П.Е. Щеголев, большой искусник “выразительного чтения,, читает полным голосом, отчетливо выговаривая все буквы по писаному. Некрологи я писал на листе в виде свитка с закорючками и завитками» (*Иверень*, стр.250).

⁸⁹ “В секретной,, был издан в еженедельнике “Наша жизнь,, 1905 п. 26, а затем в книге *Чортков лог и Полуночное солнце* и в переработанном виде в 2-ом томе *Сочинений*.

Переделал и переписал “некролог” П.Е.Щеголеву.

Тревожусь. Создаю себе “картины” оглушающей яркости [свет может и ослепить], всматриваюсь до мурашек. Жду телеграммы от вас. Не послать не мог.

Чернил совсем нет на донышке и страшно сгустились: мушинные крылья и комариные ножки, все вместе. Опишу письмо и попрошу свежих.

Херсон 1903 30 июня

Письмо от А.А.Архангельского⁹⁰ [музыкант “Летучей Мыши” Балиева]. Он “заведует” моими делами в “Курьере”. “На новый год” напечатают к новому 1904-му году⁹¹. [Не напечатали]. О “Тоске” и “Белом лете” дадут ответ через 3-и недели⁹². [Не ответили].

Ничего не писал. Чувствую — в роде “утомления”. Рано лег. Видел много снов: вы приехали и ждали. Пошел я снова встречать, а вас нет.

Строю тысячу предложений, фантазирую до ярких картин. И жду, хотя бы ответ на телеграмму. К этому побуждают еще и очень “прозаические” стороны: очень гостинница надоела, да и не только надоела, вы понимаете [нет денег]. И еще не знаю: пишу всякий день, но получаете ли вы мои письма? В “сумму” фантазий входит: “и не получаете” — это меня очень беспокоит.

С двух сторон находят свинцовые тучи. Сбегаю, опишу письмо: и чай пить с большущей булкой в гривенник, на два дня хватает.

Херсон 1903 30 июня

Пойду на почту, сделаю справку: получена ли моя телеграмма на ваше имя от 28 июня. Ответ определит, где вы. Предположения, нарастая с каждым часом, страшно заволновали меня. Если не получена, значит — я даже не знаю, что и думать. А как еще справиться? Может, захворали сильно, может... и так до бесконечности все “может”. Даже

⁹⁰ Алексей Алексеевич Архангельский, (— 1941), автор многочисленных музыкальных произведений, поставленных в сабагет “Летучая мышь”, основанном в Москве в 1908 г. Н.Ф. Балиевым и Н.Л. Тарасовым в подвале дома Перцова. (см. Н.Е. Эфрос, *Teatr “Летучая мышь”, Н.Ф. Балиева*, Петроград 1918; А.М. Ripellino, *Il trucco e l'anima*, Torino 1965, pp. 192-196). В книгах записей С.П. Ремизовой-Довгелло (кн. IV, стр. 13) заметка Ремизова о нем: «Я познакомился с ним в школьные годы, он учился в Филармонии. На нем лежала печать “гениальности”,. В музыке он, кажется, все знал. А вот ничего не вышло. Какое-то малокровие душевное. Оказался под стать “Летучей мыши”, Балиева... Он занимался и литературой, писал пахабные (sic) стихи, потом против большевиков...».

⁹¹ Возможно, речь идет о рассказе “Новый год”, появившемся в журнале “Перевал”, 1907 г. 3, а затем в книге *Чортков лог и Полуночное солнце* и в III-ем томе *Сочинений*.

⁹² В эти годы денежные проблемы и интерес к польской литературе заставляли Ремизова неоднократно братья за переводы Пшибышевского и других польских авторов.

замутился, предполагая. Открываю евангелие. И одно другого хуже открывается. Опять ничего не писал. Впрочем, письмо к Ангелу Ив(ановичу) Богдановичу⁹³ [“Мир Божий”⁹⁴] мое объяснение на его отзыв о “Плене”. Взбрело же написать [“В плену”⁹⁵] напечатан в сборн(ике) “Проталины”, Спб. 1907].

Телеграма. Ну, слава Богу! — “пишу”. И начинается мытарство: что “пишу”? Что там в письме?

А у меня все готово. И церковь нашел и все, что нужно. Вы приедете утром в 8 ч., а через часа четыре поедem самым обычным образом в обычных “одеяниях” по улицам и свернем, я остановлю извозчика. Через час все будет кончено.

Теперь вот что: (как получите письмо, ответьте) если вы не скоро можете приехать, не переехать ли мне на квартиру? Через комиссионера нашел одну — 18-20 р. в месяц, но надо купить самую необходимую обстановку, можно на “толкуне” (толкучке) — все это через того же комиссионера, нанять кухарку. Но для этого нужно, понимаете [деньги].

Переехать на квартиру можно даже и в том случае, если вы задумаете выехать дня через три после получения этого письма. Но, конечно, при одном условии: если у меня будет чем расплатиться, нанять и обставить квартиру.

Ну, слава Богу: “пишу”. А то я и писать стал, стесняясь, все думаю — “а если письма идут да не к вам?” Какая луна сейчас, горячая, жаркая. А грозы-то и не было.

⁹³ Ангел Иванович Богданович (1860-1907), критик и публицист. В молодости принимал участие в нелегальном народническом кружке, по делу которого был арестован и выслан. В 1893 г. один из организаторов партии “Народное право”, сотрудник “Русского богатства”, и с 1894 г. главный редактор журнала “Мир Божий”, где вел “Критические заметки”, литературно-публицистического характера. Во второй половине 90-х гг. порвал с народничеством и перешел на позиции “легального марксизма”.

⁹⁴ “Мир Божий”, — ежемесячный журнал, выходивший в Петербурге с 1892 по 1906 г. Со второй половины 90-х гг. журнал вступил в борьбу с народничеством с позиций “легального марксизма”. Сопутниками публицистического отдела были П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, Н.А. Бердяев, П.Н. Миллюков, Е.В. Тарле и А.И. Богданович. В художественном отделе преобладало реалистическое направление: среди сотрудников его В. Вересаев, Л. Андреев, И. Бунин, А. Куприн, Д. Мамин-Сибиряк, М. Арцыбашев. После июльской книжки 1906 г. журнал был закрыт царской цензурой и вместо “Мира Божьего”, стал выходить “Современный мир”.

⁹⁵ “В плену”, — воспоминания периода ссылки, написанные в 1896-1903 гг. В 1902 г. Ремизов послал это произведение Горькому, который резко его осудил (см. письмо к Ремизову, в кн. М. Горький, *Собрание сочинений* в 30-ти томах, Москва 1954, т. 28, стр. 249-250). Эти воспоминания были изданы под названием *Белая башня* в альманахе “Проталина”, (Спб. 1907, кн. 1), а затем в сборнике *Чортов лог и Полнощное солнце*, и в сильно переработанном виде в 2-ом томе *Сочинений*. О произведениях ссылного периода Ремизова см. А.М. Shane, *A prisoner of fate: Remizov's short fiction*, “Russian Literature Triquarterly”, 1972 n. 4, pp. 303-318.

Херсон 1903 1 июля

Вот еще что надумал: если скоро не можете, но квартиру найдете возможным занять, пришлите на мое имя книги, и к вашему приезду все будет в порядок приведено. Напишите Ив(ану) Плат(оновичу) Каляеву (Ярославль, редакция “Северный Край”), чтобы выслал сюда ваши и мои книги.

Написал посвящение к “Иуде”. Иду в библиотеку и на почту.

Херсон 1903 1 июля (пойдет 2 VII)

Вот так подступит — и думаешь. И чувствуешь, что где-то близко — и темное и головокружительное. И вот оно исчезло. Замелькал рой мыслей и образов, снова бескрайная даль и голубая полоска: леса — дорога.

Хожу и кличу. А все тускнеет и куда-то проваливается и набегают неясные облачка — пасмурно и жутко-тихо. Как заблудившийся. Оклик. Но это мой оклик.

Все: и как унижали и как издевались, все сплывает в беспросветно-кутающий дым, распространяется и душит. Мне кажется, что наступит и у вас такая полоса, и вы пройдете мимо.

Когда иду по улице, отвертываюсь, думаю: и эти тоже. Уйти бы куда, спрятаться, чтобы никто тебя не видел. Страшно людей.

И это у меня всякий день: вдруг подступит.

Не писал, думал, скоро приедете и тогда расскажу, какие в ожидании проходили мысли и мои тревоги. И не осуждайте меня: вы хорошо видели и сердцем, глубоким сердцем знаете, как “ложилось” на меня все черно-кружившееся над “подпольем”. А еще всегда знайте, что то, что я сделал для вас горького, впилося в меня белым железом.

Я вам рассказывал, как однажды среди игры чего-то не поладил с братом и бросил горсть песка в раскрытые глаза. И притворился, что мне это все равно, а на самом деле, задернутый гримасой — безразлично! — я стягивал себя белым железом — до безысходности, вот до этого мгновенья, когда чувствуешь, что где-то близко — и темное и головокружительное.

Херсон 1903 2 июля

Вечером под шелестящие пепельно-крылатые тучи пришла ко мне “тоска”. Она долго сидела со мной и нашептывала мне и шепот ее — письмо вам. Не отсылаю его, а берегу и отдам по приезду. А пришла эта тоска от моего молчания и что жду вас.

Ночью даже зуб заболел. А теперь знойное утро. Уж слишком много солнца. Мечтаю о переезде на квартиру. Жду, не дождуся.

Если лавка не “закрыта” для вас, возьмите черные носки (п. по калошам 9, стало быть, меньше). Или уж вложить письмо, а то Вы будете думать.

Херсон 1903 3 июля

Как не ломал себе голову, не мог вспомнить точно, когда ваше рождение. Вертится: в первых числах июля, а не то и раньше, 28-29. Именины-то знаю, 29 июля [Рождение С.П. — 4 июля]. Все же поздравляю.

Целый день читал: взял Дидро⁹⁶, О сценическом искусстве, а в параллель Люиса⁹⁷ о том же. А ведь Дидро куда оригинальнее: говорит свое — прорубает для века новую скалу, а англичанин пересказывает, варьируя выражения: не скажет “чувствительность”, а непременно “аффект”. Возьму еще А. Веселовского⁹⁸. Хочу по драме “подтянуться”, чтобы не стоять, разиня рот да хлопать ушами, когда заправские актеры поведут речь. Хотя мне и известны их “фразные” познания, впрочем, от них и не требуется большего.

Ночью залетела ко мне саранча. Какая шумная, сколько треску, вся в шелках! Я глядел на нее — как измученно она дышала! Посадил ее на олеандр. И теперь она в степи или вдоль моря летит.

Ваше письмо все еще идет.

Херсон 1903 4 июля

Весь вчерашний день занял Старинный Театр Алексея Веселовского. Книга 1870 г., должно быть, диссертация. Описывает и с подробностями происхождение и развитие театра в Европе. Описание сравнительное: во Франции заканчивается Мольером, в Англии Шекспиром, в Испании Кальдероном, в России Семеном Полоцким. Книга хорошая. На сегодня возьму не из важных.

Сегодня или завтра получу ваше письмо.

Когда-то приедете? Как на Круты проводил вас, так и след простыл. А помните, как в Киеве “классически” жена провожала мужа? И в самую, кажется, трогательнейшую минуту разругались. Третий звонок, а он “принципиально” стоит у вагона. “Не взойду, не в первый раз!”

Ну, как: дошло ли вчерашнее письмо в большом конверте? Маленькие все извелись. Остались одни “секретки”.

⁹⁶ Denis Diderot (1713-1784) посвятил сценическому искусству работу *Парадокс об актере* (1770), которая отличается оригинальностью и глубиной мысли и сыграла значительную роль в развитии реализма театрального и актерского искусства.

⁹⁷ George Henry Lewes (1817-1878), английский писатель, актер и театральный критик. Муж писательницы George Eliot. Поклонник Огюста Конта, которому посвятил сочинение “Conte’s philosophy of the positive sciences” (1847), он пытался дополнить позитивную философию Конта в труде “Problems of life and mind”. Автор популярных романов и книг *The Spanish Drama* (1846) и *On Actors and Art of Acting* (1875).

⁹⁸ Алексей Николаевич Веселовский (1843-1918), брат академика А.Н. Веселовского, литературовед, профессор Московского университета, специалист по западно-европейской литературе и театру. Среди его работ *Старинный театр в Европе* (Москва 1870), *Этюды о Мольере*. *Тартюф* (Москва 1879), *Этюды о Мольере*. *Мизантроп* (Москва 1883).

А время-то как идет! Табак весь почти выкурил. К городу привык. Хожу в библиотеку, хотя и утром. Вот и сейчас пойду. А так хожу и такое чувство, будто лет десять прошло.

Как устроитесь, будете в путь снаряжаться, телеграфируйте. А тем временем квартиру устроил бы.

Херсон 1903 5 июля

Одолеваю “Гамбургскую драматургию” Лессинга⁹⁹. Это целая энциклопедия. Узнал по книге В.Крылова о театральном деле в Европе¹⁰⁰. Если буду заниматься в театре “заведующим репертуаром”¹⁰¹, знаете, как эта должность называется? Во Франции просто “чтец” (lecteur), в Германии “драматург”. Нужно русское название придумать. “Настройщик”? Закончу “Драматургию” к писаниям возвращусь. А мелкие статьи буду прочитывать исподволь.

5-ое уж! Наверно, сегодня придет ваше письмо. Вчера ждал — а нету.

Только вчера особенно ярко встретил ночное небо. Черное оно совсем, а звезды полыхают.

Расчитайте, сколько идет до Борзны письмо, и как увидите, что “жития” вашего осталось ровно столько, дайте телеграмму, а то мои письма завалиются.

Вышел ли “Новый Путь” и что творится на белом свете, ничего не знаю. От Мейерхольда получил опять открытку, будто на почте лежит мне письмо. Два раза ходил на почту: нет никакого письма.

Херсон 1903 6 июля

Умом раскидываю и так и этак. Смотрел квартиры. К величайшему сожалению (“скорби”), конечно, не один, а в сопровождении комис-

⁹⁹ В переводе И.П. Рассадина *Гамбургская драматургия* Г.Е. Лессинга (1729-1781), вышла в Москве в 1883 г.

¹⁰⁰ Виктор Александрович Крылов (псевдоним Виктор Александров; 1838-1906), драматург и театральный критик, сотрудник в 60-70-ые годы “СПБ. Ведомостей”, с 1893 по 1898 г., начальник репертуарной части петербургских императорских театров. Его *Очерки театрального дела в Европе*, о которых пишет Ремизов, изданы в “Русской мысли”, 1893.

¹⁰¹ Ремизов, как “заведующий репертуаром”, театра “Товарищество новой драмы”, обратил внимание Мейерхольда на новые тексты современных драматургов — Метерлинка, Гамсуна, Д’Аннунцио, Пшибышевского, Гофмансталя. И в столичной прессе издал заметки, где извещалось, что “Товарищество новой драмы”, будет служить “новым направлениям”, (ср. К. Рудницкий, *Мейерхольд*, Москва 1981, стр. 65-77). В письмах Ремизова к О. Маделунгу того времени перечисляются пьесы, которые писатель хотел переводить в надежде на будущую постановку в театре Мейерхольда: «все Пшибыш., Гофмансталя, Арно Holz’a, Dehmel’a, Verhaeren’a, Sara Peladana» (стр. 18, письмо от 27.I.1904 г.). Но из названных авторов в тифлисском сезоне 1904-1905 гг. были представлены - оба в переводе Ремизова - только Пшибышевский (*Снег*) и Гофмансталь (*Женщина в окне*).

сионера, который, само-собой, за это получит. Пришли на одну — “Питер, да и только!” — по рассказам и описанию сужу. И все-то имеется в “надлежащем порядке”: и “отделение” [уборная] настоящее и электрические звонки и водопровод, стоит 18 руб. Я за нее. Да на грех дворник куда-то запропастился. Пошел я во фруктовую лавку, купил персиков, абрикосов, слив, уж больно дешево. Вернулся и взяло раздумье. Понимаете, у меня сейчас 50 рублей, а когда расплачусь с гостинницей, останется рублей 20. А когда получу, еще Бог знает. Это и так уж обманным порядком: “в Кисловодск де непременно ехать надо”. А куда тут в Кисловодск на 50 рублей! Пошел еще на одну. Тут-то, думаю, и сяду: 13 рублей. И все, кажется, есть, да “одного не доставало”: “отделение” на дворе. Даже голова разболелась. Думать в этом “квартирном” направлении никакой сноровки у меня нет. Знать бы раньше: как приехал, так сразу и искать бы квартиру, а то я расселся, думаю, не сегодня-завтра вы приедете. Опыт? И все-таки никогда-то опытными мы с вами не будем.

Теперь что купить? Главное, столов побольше. Да, а на счет прислуги? Завести придется, пожалуй. А обед в “столовой”. Приезжайте, поскорее, ради Бога. Хоть и вы ничего не понимаете, ну, и я тоже, а все же вместе сообразим.

“Драматургию” кончил. Прочту “Детство и отрочество” и С.Т. Аксакова, поучусь — “форме”. А там и за “Отродь”. [Отдельвал “Пруд”, написанный в Вологде]. Вот и о “почерке”: как перееду, куплю перьев, такие есть особенные, маленькие и изображу. Может, что и выйдет. А в “Юге” объявление: “Изящно и причудливо переписываю самые ответственные бумаги”. [Никаких объявлений не давал; придет время, в Париже с 1931 г. буду делать рукописные альбомы и продавать за-дешовку¹⁰²].

Очень голова болит. Где-то близко музыка. Сегодня студенческий вечер. Что это мой крест-комиссионер не идет, уж 10’ 8-го. Ну-как не перееду завтра...

Лег. И 20’ провалялся. Думал все: и телеграму вам посылал, и как там у вас, что было и что вы думаете всякий день. Много чего построил, разрушил и опять построил. А в конце напало уныние. Комиссионера нет. А если бы вы знали, как я с ним реестр писал, чего надо купить. Вышло руб(лей) на 200, а потом спустили на 25. Заметил...

Пришел, слава Богу. Квартиру не пойду посмотреть. Отыскал 2 комнаты. В “комнаты”, пожалуй, лучше. Узнает сейчас по телефону...

Без $\frac{1}{4}$ 9. Взял две-очень хорошие комнаты, 25 р. в месяц. Никакой мебели покупать не надо, полагается и прислуга. В Фотографии¹⁰³! Ван-

¹⁰² В тяжелые годы парижской эмиграции Ремизов решил использовать свою каллиграфическую способность и делал на продажу тысячи рукописных альбомов в единственном экземпляре. «И за восемнадцать лет работы: четыреста тридцать альбомов и в них около трех тысяч рисунков» (*Встречи*, стр. 225).

¹⁰³ Ремизов нанял две комнаты в квартире фотографа Гескеса - Ганнибаловская улица,

на есть, но чтобы проникнуть в нее, надо проходить через зал. Ловко ли это, через зал! А фотограф говорит: “не смущайтесь, в зале у меня никто не сидит!” Но — с 1 августа. А до тех пор переселюсь в другой л., в дешевый. Можно и вдвоем. Об всем этом “доложит” мне комиссионер: пошел сейчас к хозяину.

Как болит голова! Выпью чаю. Предложу комиссионеру в качестве няньки провести меня на тот бульвар, где музыка. А то все равно, так провалиюсь.

Хозяин согласен. На месяц 18 р. п. и обед — 12 руб. Вперед 12 р. и 8 р. Надо будет 21 июля достать 10 руб.

Музыка затихла. Если приедете в этом месяце, то только за обед придется заплатить. “Если приедете” — вот до чего изжаждался! 1/211-го. Лягу лучше спать. Бог знает, что делается: что-то рвется в мозгу.

Херсон 1903 7 июля
п. 10 (до 7 VII)

С 7-го августа заняты 2 комнаты:
Ганнибаловская ул.
Новый дом Бенович кв. Гескес.

Солнца тут, Бог знает, чересчур. 3 ч. дня. Даже бумага светится темно зелено-розовых песчинок, а глаза щурятся. Это ничего, солнцем ведь лечатся.

Письмо от Вс(еволода) Мейерхольда. Приедет в середине августа. Все письмо около фразы: “Хоть вы и будете не удовлетворены материально, но раз вам все равно, где жить, более одухотворенной работы не найдете”.

I) Участие мое в театре: заведывать репертуаром и художественной стороной его¹⁰⁴;

II) “Я боюсь, что поехав в Херсон, вы ждете большей обеспеченности в материальном отношении” и т.д. очень много на этот счет.

Ей Богу, как я писал в одном из последних писем, зря он метнул

Новый дом Бенович. В письмах к О. Маделунгу (стр. 13) указаны тот же адрес и тот же хозяин, но написаны по другому: Ганибаловская, кв. Гескис.

¹⁰⁴ В одной заметке Ремизова под записями С.П. вспоминается этот период в Херсоне и работа при театре “Товарищество новой драмы”: «В мае 1903 кончился срок моей ссылки в Вологде, срок С.П. раньше, я поступил в театр Мейерхольда; Мейерхольд начинал свое театральное дело уж без компаньона, один год он держал театр с Кошеверовым. Сезон предполагался в конце августа, а я поехал в Херсон загодя, все равно, мне деваться было некуда. Я подрядился с Мейерхольдом вести у него в театре часть закулисную — тогда это входило в моду — как его советчик и как настройщик актеров. На херсонской группе я и стал не с актерами в куче, а немного в сторонке с костюмером Семеном Ивановичем Козаковым и парихмакером» (*Книга записей С.П. Ремизовой-Довгелло*, II, стр. 37).

эту затею тогда, в Вологду и попал на самую благоприятную почву в фантастическое и фантазирующее “подполье”.

В письме очень много приветливости, что стоит не дорого. Уговорюсь рублей за 50 в месяц. А на 50 смело проживем. [Сговорился за 40].

Нашло на меня буйное: несмотря ни на что нос не вешать, хоть он и от Бога не повешенный, а вздернутый.

Солнце зашло. Ветви чуть видного дерева расплясались от ветра, а ни одного облачка на шелковом небе. И стало мне вдруг горько. И не знаю, что и сказать. Черные сухие слёзы изъели всю мою душу.

¹/₂11-го. Начал с конца отделявать “Огорелышевское отродье” [“Пруд”¹⁰⁵]. Буду исправлять, что попадет. Но почему-то так утомился, едва держу голову, валится. Лягу-ка на новом месте — без креста и молитвы.

Херсон 1903 8 июля

Будто что-то нужно было сделать, и неладом явилось это переселение из 17-го в п. 10.

Работу распределяю так: повествовательную на день под солнцем, а вечером и полночи, когда надрывается сердце, драматическую. Выделил из I ч. I-ую главу: биографии¹⁰⁶. Сяду за продолжение последней главы II части.

Писем не было.

Скажите мне, “письма” были еще после Крут?

Выписываю из Москвы 150 р. Самым обманным и нахальным порядком: пишу письмо не из Херсона, а из Кисловодска.

Кончил в последней главе I часть — до утра, когда Николай пойдет в монастырь и к Огорелышевым.

Опять левый глаз заболевает. Так боюсь. И много боюсь за будущее: читать придется ведь [пьесы]. Ну, не знаю уж.

Херсон 1903 9 июля

Целый день писал. Сейчас ¹/₂12 ночи. Видел страшный сон: у меня на голове вылезли волосы. И еще много много чего.

Господи, если бы удалось к приезду Мейерхольда (середина августа) закончить отделку “Отродья” (“Пруда”). Особенно II часть передула. I-ую сокращаю. М.В. скажет: “вот видно влияние С.П.”.

¹⁰⁵ Речь идет о второй редакции романа, изданной в 1908, изд. Сириус.

¹⁰⁶ В книге *Мерлог* Ремизов намекает на автобиографичность романа: «“Пруд”, — автобиографичен, но не автобиография. Круг моих наблюдений — фабричные, фабрика, где прошло мое детство; улица и бульвары — я был “уличный мальчишка”; подмосковные монастыри, куда оравой выбирались мы летом “на богомолье”. Все это жизнь. Но самые центральные места: “Монах”, (самоубийство матери) и “Латник”, (видение в тюрьме) — подлинные сны» (стр. 59).

Представляю себе, чего хотят от меня для театра! Уж все равно. Такая полоса. От Сергея письмо — на счет денег все. Что с вами, что там? Напишите мне.

Заглянул в окно. Ночь-то какая! Ну, до свиданья.

Херсон 1903 10 июля
(на пис<мо> от 6 VII получ<ено> 10 VII)

“Ах, Коко, Коко, какой ты неосторожный!” говорит в “Пруде” (“Отродь”) бабушка Анна Ивановна проказливому Коле¹⁰⁷. Эти слова я обращаю к вам. Вижу, что по первому же моему письму заблудились вы: ведь, когда я писал, думал, не сегодня — завтра приедете, и выражать “настроение” свое глубокое не хотел, да и стеснялся, а берег на рассказ. А вы, Бог знает, что вычитали.

Пишете, через неделю приедете. Ну, вот, а я вчера и подумал: “а ну-как нет?” Сон снился нехороший. А вот сон и не сбился.

Так я записался — и глаз болит и рука мажет и душевно устал. Со слезами это проклятое “Отродь” (“Пруд”) рождается. Приедете, меньше буду сидеть. Положим отдых и прогулку¹⁰⁸; скоро месяц, как не гулял, а затворничаю. Хотя давайте до приезда Мейерхольда кончим эту работу.

Росписание:

1) Ехать лучше через Николаев (хотя сами узнайте, может, я и путаю, Сергей писал, через Николаев лучше);

2) Если б я вас не встретил, но этого не может быть, наймите извозчика в Лондонскую гостинницу или спросите комиссионера этой гостинницы на пристани, и он вас свезет;

3) До 7-го VIII проживем в п. 10, а с 7-го на ту квартиру (к Геске-су), где я задаток дал;

4) Для вас только придется обеды заказать, а то на $\frac{3}{4}$ -и до 7-го уплачено;

5) Если что-нибудь задержит Вас, постарайтесь вырваться до августа: начнется Успенский пост.

N. 10 напоминает вологодское “подполье”.

Не сердитесь, что так небрежно пишу, устала рука до нельзя.

Через неделю: 6 + 7 - 13. Стало быть 13-го 14-го.

Привезите все ваши письма и “подмётное”. Скажу зачем [С.П., как и в Вологде, продолжала получать анонимные письма; я догадывался о источнике: это пензенские “хвосты”. А называется это: “посадить на булавку”].

¹⁰⁷ Цитата из второй главы первой части романа.

¹⁰⁸ В книгах записей С.П. Ремизовой-Довгелло (Кн. III, стр. 44) беглая заметка Ремизова о жизни в Херсоне: «Помню вечерние прогулки. Ходили пить кефир и потом покупали абрикосы, удивительные там солнцем пронизанные фрукты».

Хотел писать дальше — 10 ч.в. — попробовал, да голова не слушается. Становится жарко, стало быть очень устал.

Херсон 1903 11 июля

Наверно, просто надорвался. Не могу сплошь до ночи писать. Выдумал порядок: днем пишу, а вечером читать. Так и будем делать, прибавим еще прогулку. Согласны? [Да так вся жизнь и прошла — 40 лет (1903-1943) за исключением “прогулки”, да прибавить еще полночи у стола].

Заглянул я на себя в зеркало: совсем осатанел!

Ветер летает второй день, ужас. Все пронизано пылью, вся бумага, тело. Поскорее бы вам устроить дела, да сюда. Чувствую, только вы сумеете вытащить меня, а то засижусь и покроюсь пылью.

Пишу это письмо на-угад. Хорошо, если оно дойдет только, когда вы будете здесь: через 4 дня будет 15-ое. А 15-го вы приедете. Помните сон: 1 - 5 - 5.

Возвращаюсь к вчерашнему. И еще раз повторяю за бабушкой: “Ах, Коко, Коко, какой ты неосторожный!” Когда же, наконец, придет... Впрочем, как вспомню, что я обижал вас, и пойму, что недоверие я сам вызвал, а за это и получаю. Когда успокоитесь, тогда можно будет философствовать на “психологии”.

Все устроил, не достает вас. Так вы собирайтесь скорее! Видел *страшный сон*. Скоро лишусь речи, привык объясняться междометиями. В гостиннице начинают подозревать, все ли у меня дома.

Херсон 1903 12 июля

Слава Богу, получил сегодня твое второе письмо. И весь день писал хорошо без гложущей тревоги. Завтра уж 13-ое. Когда-то приедешь! Сегодня было хоть и писанья бросай, да подбодрился и ругал же себя, и вот и записал. Пишу и все до пылинки вспоминаю. Каждая строчка там прошептана “подпольем”, каждая строчка.

Если что вас задержит неотложное, помните только числа: 6 авг<уста> начинается пост, 7-го переезжаю к Гескесу, — так надо и до того и до другого.

Не переехал я тогда на настоящую квартиру: (и слава Богу) неопределенность: поживем в Херсоне да вдруг и уедем. Я уж писал о Мейерхольде.

Я сегодня на последние хватил 5 ф<унтов> персиков и сразу все съел. Вот как! Улыбаешься, не веришь. Нет, правда. [Всю жизнь храню эту повадку: как дорвусь, не отстану, пока все не кончу]. Приезжайте скорей, а то их не будет. Купим много-много, и все зараз. 20 ф<унтов> абрикосов. И персиков. Ну, скоро уж.

Венчание¹⁰⁹ в 11 ч. ночи, ловко? Что-то Жуковского напомнит [Венчались после ранней обедни с приключениями, шафером был повар, но никакой Светланы — блестящее безоблачное утро¹¹⁰].

Херсон 1903 13 июля

Письмо от Ан(гела) И(вановича) Богдановича, “Мир Божий”, пишет, присылать “В плену” не надо; он понимает, что я хотел выразить, но мне этого не удалось, я не сумел.

Получил этот отзыв, я задумался: да не в правду это так? Очень было мучительно сознавать эту правду. И потом с какой-то ненавистью к самому себе — к своему — набросился на бумагу и писал вот до полночи.

Странная была гроза после обеда: яркий блеск дня, чуть видная свернувшаяся в клубок туча и трещащий гром, даже сердцу больно и руки вздрагивают, а дождя ни капли.

Раздумываю о завтрашнем дне: из “Нового Пути” не высылают, а гильзы под исход и бумаги последний листок, не этой, а крупного формата.

И тебя нет.

Ну, верю, что приедете. Уж у меня план: как заниматься будем, я писал. А знаешь, кого я во сне видел? Николая Алекс(андровича) Бердяева и Веру Григ(оревну) Тучапскую¹¹¹ [ссыльная в Вологде, киевлянка, ее муж Павел Лукич].

Н(иколай) А(лександрович) Б(ердяев) едва мне подал руку, и когда я его спросил, не помню о чем, он только кивнул головой, поджав губы, будто хотел сказать: “говорить я с вами никакой охоты не имею и не желаю”. А В(ера) Г(ригоревна) Т(учапская) темная-темная, торжествуя и подсмеиваясь, глядела, но строила взгляд проникновенный.

¹⁰⁹ Ремизовы женились в Херсоне 27.V.1903 г. в кладбищенской церкви Всех Святых (священник — Петр Гусенов, диакон — Николай Залита). «В Херсон приехала С.П. и мы сыграли службу: образом нас благословил священник — храню Покров, а шафером был повар из отеля, где я жил, дожидаясь С.П.» (*Книга записей С.П. Ремизовой-Довгелло*, II, стр.37).

¹¹⁰ Намек на стихотворение “Светлана”, В.А. Жуковского.

¹¹¹ Вера Григорьевна Тучапская (Крыжановская) была арестована и сослана по делу киевских марксистов (см. *Иверень*, стр. 245, 368 и ее книгу *Из моих воспоминаний*, “Каторга и ссылка”, кн. 67, стр. 18-50). Н. Lampl упоминает “весьма содержательные” письма Ремизова к Тучапской (см. Н. Lampl, *Remizovs Petersburger Jahre. Materialien zur Biographie*, “Wiener Slavistischer Almanach” 1982, Bd. 10, pp. 273, 312).

Херсон 1903 14 июля

¹/₂1-го и мне очень хочется есть и устал, не могу описать сна моего подробно¹¹².

Б.В.Савинков с подвязанной салфеткой за столом, сосредоточенно на поданном блюде.

“Помиримся, А.М., и забудем старое!” — сказал он тем сладковатым тоном, каким взял за манеру говорить со мной в последнее время наших споров.

Помню, не только я не удивился, а подумал, что этого я всегда ждал, и всегда это произойти должно было.

“Студент, продолжал Савинков, кажется, его я встретил у вас в мой единственный публичный выход, сообщил одному знакомому моему, умершему художнику, что идет сию минуту в крепость к А.М.Р.”.

Меня это очень поразило, тем более, что Савинков говорил это при мне, и, произнося мое имя, покосился на меня.

Но я сообразил, что речь не обо мне, а о ком-то, устроившим себе одинаковый со мной паспорт на имя А.М.Р.

Я переходил по терасам, где спали все неизвестные мне, я спешу на трамвай и трамвай, появившись на моих глазах, ушел, и опять.

Не смущайтесь, если завтра получите письмо без марки: денег у меня 47 коп. и табак на исходе и свечки догорают. Или сделать так: завтра не пошлю, а послезавтра за два дня.

Пишу, непереставая, скоро кончу I-ую часть.

Всякий день, когда сажусь за стол обедать, в 3-и часа, жду необычного стука: “письмо”; а в полночь — телеграммы. Но ни письма, ни телеграммы.

До свидания. Стрелки перешли на второй. Спать лечь.

Херсон 1903 20 первого 15-на 16 июля

Подождал урочного времени, вижу, ни телеграммы, ни денежной повестки не несут, и давай писать.

“И все сидите!” — не то с сожалением, не то с участием говорит Илья, ставя на стол чайники.

“Сижу и буду сидеть долго-долго, пока не кончу вот этого!” — я

¹¹² Описание снов всегда переплетается в этом тексте с ежедневными событиями, причем сны типографски не выделены, как это имеет место в книгах *Взвихренная Русь* и *По карнизам*. Сон присутствует наряду с реальностью в рамках семейной хроники, обогащая ее дневную явь: «“Реальная жизнь”, ограничена и стеснена трехмерностью; принуждение проникает все часы бодрствования, во сне же, когда человек освобождается прежде всего из-под власти трехмерного пространства, впервые появляется чувство “свободы”, и сейчас обнаруживаются чудеса “совместности”, и “одновременности”, действия, немислимые в дневном состоянии... Наблюдение над снами имеет практическое применение: сны по своей непрерывности и связанности с бодрствованием “предсказывают”, и “открывают”, будущее» — признается писатель в неизданной книге *Мерлог* (л. 60-61).

показываю на вырастающую с каждым днем кипу бумаги.

“Так, — говорит Илья и, помолчав мрачно, — в цензуру”.

“Не подарить ли, думаю, Илье сорочку, купили в Киеве, и оказалась мне очень большой?” — и сам перебираю свечи — три свечи — которую из трех зажечь?

Месяц оранжевым серпом висит совсем близко от окна, а под месяцем играет звездочка.

Закончу “Отродье” (“Пруд”) — думаю — отдам в переплет и в “Новый Путь”: будет печататься два года. [“Пруд” печатался в “Вопросах Жизни” в 1905 г.] И обращаюсь к вам, мысленно вижу вас на стуле, где лежит папка с рукописью.

“Очень мне беспокойно, — говорю я, — придет Мейерхольд, отвлечет от “Отродья”.

А вы молчите.

“Если бы устроить так, — продолжаю, — заниматься в театре, только немного. Послушайте, скажу Всеволоду, понимаете, мне время дорого, денег, гонорар, что предлагаете мне, мне не надо. Я не хочу быть обязанным. Пусть буду я числиться “драматургом” или по русски “настройщиком” при театре, впрочем, деньги я возьму”. И тут он мне дает 50 руб.: “Не хотите ли еще?” “Нет, говорю, с меня довольно”.

Вы молчите.

Я иду по улице, посматриваю по сторонам. Кругом говорят: “Вот идет драматург Ремизов!” Меня коробит коверканье моей фамилии: “Ремизов”, но я стараюсь не обращать внимание: “южное произношение!” И попадаю не в театр, а во фруктовую татарина Ишмимятова.

“Здравствуйте!” — улыбаясь, встречает меня, как знакомого, и, не спрашивая, сколько, делает на татарском языке распоряжение.

Хожу по лавке, пробую: то возьму сливу, то персик.

“И виноград у вас!”

“Первых сортов, — говорит Ишмимятов, — лечебный и тянет мне из корзинки гроздь, никогда не кончится.

Дверь заскрипела и в лавке появился фургонщик, черный еврей в широкой соломенной шляпе. И началась “суматошка”: персики, абрикосы, сливы, виноград, как дождь.

Я подал татарину 50 рублей:

“Сдачи не надо!”

И пошел за фурой — медленно тянется на Аннибаловскую к фотографу Гескесу.

“С.П., — кричу, — посмотрите, сколько накопил!”

Вы киваете и улыбаясь, оскаливаете правый клычок.

На лестнице Гескес с аппаратом.

“Куда это все поставить?” — меня уже начинает беспокоить: ведь, целая фура.

Гескес, щелкнув:

“Готово, — весело говорит он, — поставим в залу, мух нет, а для ос — одно удовольствие”.

“Позвольте, эти осы... — и я спохватился, — и зачем возиться с ящиками, давайте все съедем!”

Гескес согласен, действительно, разводить в фотографии ос, отпугнешь и самых нетерпеливых увековечиться.

Мы начали с винограду. Такого крупного я никогда не видал: виноградинка, как наша владимирская шпанка и ни одной косточки.

Звонок. Отворяю: почталион. Мне письмо.

“С.П., — говорю, — мое сочинение по математике и русский орфографический словарь приняты. Золотая медаль и сразу в 10-и изданиях по 5000 тираж, и на все языки!”

А из конверта, неожиданно для меня вываливается бумажка — 50 рублей.

“Я сварю кофе настоящее!” — говорите вы.

А я с бумажкой — 50 руб. — выхожу на лестницу — вся забита фруктовыми ящиками, а на ящиках Илья в моей киевской сорочке, сидит, как петух.

И когда я вернулся в комнату: ароматный кофейный дым, и полно народу: пьют кофе. И я закурил сигару. И замечаю, что А.П.Зонов¹¹³ [актер у Мейерхольда] сразу две.

“Не послать ли П.Е.Щеголеву сигар, или лучше персиков?” — и начинается спор: сигар или персиков.

“А вот вам и кофе, — говорите вы, — сейчас Марья Ефимовна [Вологодская хозяйка] принесет сливок”.

И вдруг невероятно дребежжайщий звонок, все бросаются к окнам, а Гескес к аппарату: это он нарочно построил, чтобы снять вра-сплох. Оранжевым серпом висит месяц, а под месяцем звездочки.

Не принимайте за небрежность, посылаю письмо без марки: осталось всего 5 копеек. До свидания.

[27-го июня наша свадьба]

¹¹³ Аркадий Павлович Зонов (1875-1922), актер и режиссер. Учился вместе с Мейерхольдом в Музыкально-драматическом училище, работал вместе с ним в МХАТе, а затем в Товариществе новой драмы, в Театре-студии и в Драматическом театре В.Ф. Коммиссаржевской (ср. В.Э. Мейерхольд, *Статьи, письма, речи, беседы*), а с 1916 г. в Камерном театре. В книге Куха. *Розановы письма* (Берлин 1923, изд. З.И.Гржебина, стр. 40-41). Ремизов вспоминает друга и “князя обезьянья”, А.П.: «Давнившее знакомство и верная дружба связывала нас с Зоновым. Я познакомился с ним, когда он и Мейерхольд учились в Филармонии. Я был выслан в Пензу и тайком приехал в Москву — приютил меня Зонов и Мейерхольд. Мейерхольд — пензенский. На лето он приехал в Пензу и с ним Зонов. Игнали в Народном Театре. Народный Театр был центром рабочих собраний... И когда кончилась ссылка, я поехал в Херсон и поступил в театр к Мейерхольду. Там же был и Зонов».